

Злые игры

Автор:

Андрей Васильев

Злые игры

Андрей Александрович Васильев

Отдел 15-КА.Смолин, ведьмак #7

Для кого-то самым важным в жизни является власть, для кого-то – деньги, а для кого-то – дело, которому он служит. Александр Смолин, как это ни странно, так до сих пор и не определил для себя, что для него из этого списка наиболее приоритетно, но, правды ради, не сильно его это и печалит. Тем более что его жизнь такова, что иногда все три перечисленных понятия сплетаются в ней воедино, словно клубок змей перед тем, как впасть в осеннюю спячку.

И вот тогда спокойной жизни ждать не стоит, ни ему самому, ни тем, кто рядом с ним.

Андрей Васильев

Злые игры

Все персонажи данной книги выдуманы автором.

Все совпадения с реальными лицами, местами, банками, телепроектами и любыми происходившими ранее или происходящими в настоящее время событиями не более чем случайность. Ну а если нечто подобное случится в ближайшем будущем, то автор данной книги тоже будет ни при чем.

Глава первая

– Ну, так как насчет оплаты за выполненную работу? – поинтересовался я у Дарьи Семеновны, встретив ту на улице неподалеку от своего дома. Так-то я обычно вечером по Лозовке не шатаюсь без особой нужды, поскольку не сильно весело смотрится почти нежилая деревенька в лунном свете, но тут решил все же не откладывать дело до завтра и добежать до леса. Надо взять у дяди Ермолая травяного сбора, недавно им мне обещанного, поскольку это эксклюзивная штука, такого больше нигде не сыщешь. – Гости приехали, среди них тот, кого вы ждали.

Собственно, для них, гостей, я за травяным сбором на ночь глядя и пошел. Вернее, для Пал Палыча, который, как оказалось, настоящий любитель этого дела. Даже не любитель – знаток! Такой, что даже мой Антип, который в чаях и производных от них разбирается о-го-го как, и то проникся. Воистину никогда не знаешь, какие таланты и познания таятся в людях.

– Так-то оно так, вот только он у тебя в гостях обретается, ко мне на чаек да разговор заглянуть не спешит, – чуть осуждающе заметила старая ведьма. – А пока мы не побеседуем, ни о какой оплате речь идти не может.

– Стоп-стоп-стоп! – пригрозил ей пальцем я. – Ты, соседка, не мудри. Что было сказано? Получишь мандрагыр сразу после того, как сюда Нифонтов приедет, вне зависимости от результата вашей с ним беседы. Верно? Нифонтов тут, так что корень мой. Ладно, не весь, половина от изначально показанного, это я тоже помню, плюс жизнь человечья в одном экземпляре. А уж как ты к себе моего гостя заманишь – твоя забота. И имей в виду, они завтра в город возвращаются. Я вместе с ними укачу, так что хотелось бы рассчитаться до отъезда.

– Памятливый какой, – расстроено вздохнула старушка. – Ладно, будет тебе мандрагыр. Я Покон чту, потому слово свое всегда держу.

– И чья-то жизнь, – снова напомнил ей я. – Того, на кого укажу.

– В город не поеду, – сразу же предупредила меня Дара. – Суетно там. Фотографию врага своего покажешь и установочные данные сообщишь, далее моя забота.

– Это как угодно, на твое усмотрение, – благодушно согласился я. – Да и не значит у меня в планах пока никого с белого света сживать. Я вообще за мир во всем мире.

– Значит, немало крови ты еще прольешь, – констатировала соседка. – Те, кто о мире громче других кричат, как правило, убивают без повода и раздумий. А вот что мне еще скажи, ты, ведьмак, никак зазнойбой обзавелся? Девка-то, что с ними приехала, тебе по сердцу, верно?

Внимательная, ничего не скажешь. Не иначе как на чердаке у нее наблюдательный пункт оборудован. Но я и сам, если честно, здорово изумился, когда из отдельского микроавтобуса выбрались не только Нифонтов и Пал Палыч, но еще и Вика. Кого-кого, а ее я точно не ожидал увидеть тут, в Лозовке. Да и, признаться, вообще где-либо, по крайней мере в ближайшее время. Мы же вроде все друг другу сказали. Ну а каких-либо постоянных точек пересечения у нас с ней попросту нет, разве что только случайность поспособствует.

Не стану врать, ее приезду не обрадовался. Никогда не понимал тех людей, которые только-только поджившие болячки ковыряют, чтобы выяснить, будет им больно или нет. И так ясно – будет. Да еще и заразу занесешь туда непременно.

Вот и здесь так же. Я уяснил, что Вики в моей жизни больше нет, и эта ясность как-то успокаивала.

И на тебе!

Но соседке моей про все эти неуместные вертеровские страдания знать ни к чему.

– Очень ты наблюдательная, Дарья Семеновна, ничего от тебя не спрячешь и не скроешь. Правда, на этот раз оплошала, не туда глянула. Нет, так-то, конечно, неплохо бы с ней по темному времени в саду под деревьями прогуляться, да только я, как было сказано выше, сторонник мирного сосуществования всех со всеми. И особенно с отделом. Мало ли что ее коллеги подумать могут?

– А у их девок сладкое место разве по-другому скроено, не вдоль, а поперек? – ехидно осведомилась у меня соседка. – Или им другого чего в жизни нужно? Не

того, что все остальные бабы у Судьбы просят?

– Дарья Семеновна, какого ты шапито устраиваешь? – ответил вопросом на вопрос я. – Ведь прекрасно, знаешь, кто она и чем занимается. У меня, знаешь ли, и без нее проблем выше крыши, только такой суеты мне сейчас и не хватало. Ладно, пойду. Все же в моем доме гости, надо соответствовать высокому званию хозяина.

– Нифонтову скажи, что я его вечерком жду, – попросила старушка. – Не сочти за труд. А насчет девки – подумай. Ты парень еще молодой, на дворе весна, так что не упusti момент, ведьмак, жизнь второй раз никто из нас прожить не сможет. А так хоть будет чего на закате лет вспомнить.

– Поверь, мне и без этой красотицы воспоминаний на три старости хватит, – фыркнул я. – Вот только дожить бы хоть до одной из них. Ты же телевизор смотришь, потому в курсе, что экология в мире ни к черту, продукты – сплошная химия, а хронические заболевания стремительно молодеют.

– Тебя и рельсом не убьешь, сосед, – проворковала Дарья Семеновна. – Ты с силой ведьмачьей здоровье железное получил, а удача тебе в довесок с ней досталась. Или наворожил ее тебе кто-то, уж не знаю кто. Кабы не это, то вырезала бы я тебе сердце еще тогда, в лесу, на заветной поляне. Вырезала и сожрала, можешь быть уверен.

– Ни тени сомнения в том не возникает, – в тон ей ответил я.

– И правильно, – подтвердила старушка невесело. – Только жизнь длинная, может, еще и сладится чего.

– Тогда эти вопросы и обсудим. – Я глянул на небо, там уже появились первые звезды. – Короче, баба Дара, ты давай ускоряйся, если желаешь дело сладить. Под лежащий камень вода не течет. Все, чмоки-чмоки.

Решив добить ведьму окончательно, я, словно иллюстрируя свои слова, наклонился и, соответствуя сказанному, чмокнул ее в щеку.

Уже у калитки я обернулся и глянул назад. Глава местного ковена так и стояла на дороге, глядела мне вслед и, по-моему, даже не дышала. Вот все же как мало надо немолодым дамам. Чутьочку внимания окажи – и все, мир расцветивается для них, казалось бы, совсем уже забытыми красками. Даже если они ведьмы с многовековым стажем.

Мои гости сидели за столом, поставленным в саду под упомянутыми мной в разговоре с ведьмой яблонями, и с видимым удовольствием гоняли чай с баранками. Колорита происходящему добавляли попыхивающий дымком ведерный самовар и Родька, который, само собой, от сотрудников отдела таиться не стал. А смысл? У них такой же мохнатик в здании проживает, только без одного глаза.

К столу подходить я сразу не стал, вместо этого прислушался к тому, о чем они беседу ведут. Хотелось узнать, как далеко в своей глупости может зайти мой слуга, а также степень пронырливости моих гостей.

– А еще есть такие закладные покойники, – посверкивая глазками, вещал Родион, то и дело отхлебывая чай из полулитровой фаянсовой кружки с надписью: «Sacher». Он ее самолично спер перед нашим отъездом из одноименного отеля. И еще два прославленных торта с тамошней кухни умудрился прихватить, которые после в одно рыло и стрескал во время перелета из Вены в Рим. – Вот там жуть настоящая! Я одного такого видал, когда мы со старым хозяином недалеко от Новгорода обитали. Они же, закладные-то после того, как вылежатся вволю и силу наберут, могут в новолунные ночи из ямы с кладом, что им оставлен для сбережения, на белый свет вылезать.

– Да ладно? – профессионально-азартно среагировал Нифонтов. – Прямо вылезать?

– Так и есть. – Родька хрустнул сушкой. – Один такой повадился к нашему дому шастать. Мы с хозяином в те поры аккурат в старой сторожке жили. Лесник, видишь ты, умер, про нее все и забыли. Так он в ночь притащится на огонек и давай чудить. То в дверь скребется, то в окно заглядывает, скулит, опять же. Сам кривой, косой, рожа синяя, зубы, что у пилы, острые да скошенные набок. Жуть!

– А старый хозяин? – уточнил Пал Палыч. – Чего его не отвадил? Он вроде ведьмак сильный был?

– Сложно здесь все, – шмыгнул носом-кнопкой мой слуга. – И простого-то покойника не так легко под землю загнать, а уж закладного... Тут такие знания нужны, которые не у всякого имеются. У Захара Петровича подобных не водилось.

– А у нового? – отхлебнув чаю, спросил у Родьки Нифонтов. – Имеются? С ним-то не страшно? Тем более что он у тебя как раз по мертвякам специалист.

– То наше с ним дело, – вдруг навесил замок на роток обычно неугомонный слуга. – Бывших хозяев обсуждать с чужими у меня право есть, они уже мертвые, им хуже, чем уже есть, не станет. А нынешнему нам не можно кости перемывать ни со своими, ни с чужими.

– Уважаю, – отсалютовал ему чашкой Пал Палыч. – Бусидо. Кодекс самурая.

– А я знаю, знаю! Самураи – это японские люди. Мы до них не добрались, – посетовал Родька. – Далеко. И дорого ишшо. А интересно было бы, ага. Я в телевизоре видал, что у них города что муравейники в лесу! И спят они в этих... Как их... На гроб похожи еще...

– В капсулах, – подсказал я, выходя из-под деревьев. – Паш, держи травяной сбор. Такого в городе ни у кого не купишь, отвечаю.

– Ага. – Пал Палыч поймал полиэтиленовый пакет, развернул его, нюхнул зеленую смесь, что в нем находилась, и от удовольствия аж головой помотал. – Вот за это спасибо. Уважил!

– Коль, за забором соседка моя бродит, – перевел я взгляд на Нифонтова. – Вроде как гуляет перед сном грядущим. Моцион и все такое. Однако же я точно знаю, что сейчас самое время ей «Бесогона» смотреть и млеть, глядя на усы Никиты Сергеевича. Так что самое время определиться, чего ради ты ко мне приехал. Просто отдохнуть, попариться в баньке и воздухом подышать или... Ну, ты понял. И имей в виду, Дарья Семеновна бабка принципиальная. Запросто завтра может просто с тобой не захотеть разговаривать, по принципу «задолбал живот болеть, как сейчас стукну по нему кулаком!».

– Ведьмы, которые в возрасте, все с изрядным прибаблом, – подтвердил Михеев, подставляя чашку под краник самовара и поворачивая вентиль. – Что есть, то есть. Потому лучше их давить еще юными.

– Значит, рекомендуешь сходить? – уточнил у меня Николай.

– Я не могу тебе что-то рекомендовать или нет, это не моя жизнь, а твоя. И решение принимать можешь только ты сам. Как сделаешь, так и будет.

– Сразу видно, что набрался ты, Сашка, ума-разума в Европах. – Пал Палыч потянулся за заварочным чайником. – Скользкий стал, как угорь в воде, не ухватишь. Только не обижайся, это сравнение не для того, чтобы тебя задеть. Просто констатация факта. Тем более что мы с Колькой сами точно такие же.

Нифонтов встал из-за стола, достал из штанов миниатюрный фонарик и направился туда, где находилась калитка, Родька устремился за ним, чтобы проверить, закроет ли он ее как должно. Имелся у него такой пунктик, за которым, уверен, стоит какая-то давняя история.

– Надо бы для логического завершения этой сцены что-то сказать ему вслед, а нечего. Его теперь учить – только портить, – пробормотал Пал Палыч. – Вот ведь!

– А Вика где? – спросил я у него, устраиваясь за столом.

– В доме, – ответил мне оперативник. – Она не любительница застолий.

– Ну да, – кивнул я. – Заметил. Хотя все равно это не очень правильно, могла бы с нами и посидеть.

– Так сходи позови, – лукаво посоветовал мне Михеев. – В чем же дело?

Сходи. Умный какой. Вот сам возьми и сходи.

В этот момент, скрипнув входной дверью, из дома появился Антип, державший в лапах широкую деревянную тарелку с наваленной на нее грудой пышущих жаром пузатых пирожков.

– Во, напек, – подходя к нам, гордо сказал он. – Утрешние все подъели, я, стало быть, еще сготовил.

– А что гостья наша? – уточнил у него я. – Спать легла? Просто если нет, так, может, ты ей предложишь сюда прийти, с нами посидеть?

Надо заметить, что Антипу Виктория очень понравилась. Нет, даже не так. Он, несмотря на всю свою всегдашнюю независимость, как-то сразу проникся к ней большим уважением, как видно заметив в строгой девушке нечто особенное. Что именно – не знаю, но непременно его расспрошу на эту тему позднее, поскольку сейчас домовику не до того. Просто давно гостей в доме не водилось, он все силы сейчас клал на то, чтобы не ударить в грязь лицом. Для хорошего домового довольство гостей есть дело личного престижа. Тем более если те его хозяину друзьями приходится.

– Так нет ее там, – прикладывая лапу к самовару, ответил Антип. – Эхма, остыл. Надо бы подкочегарить маленько.

– Как нет? – озадачился я и переглянулся с Пал Палычем. – А где же она тогда? Не в бане же?

– Она баню не любит, – мотнул головой оперативник. – Сам же вчера слышал.

– Вы о ком? – спросил у нас вернувшийся за стол Родька и тут же стянул с тарелки самый большой пирожок.

– Ты не знаешь, куда наша спутница делась? – поинтересовался у него чуть напрягшийся Михеев. – А?

– Так она купаться пошла, минут двадцать как. Я как раз в дом за сахарком забежал, а она мне навстречу, – перебрасывая печево с лапы на лапу, чтобы оно остыло, пояснил мой слуга. – Полотенец через плечо перебросила, спросила, какая тропинка к речке ведет, и пошла. Я ей говорю, вода-то еще холодная, май на дворе, а она только эдак улыбнулась, и все.

– А, ну тогда все нормально, – мигом успокоился Пал Палыч. – Нашу Вику холодной водой не испугаешь, она морж. И на Крещение в прорубь лазает.

– На реку? – выпучил глаза Антип. – Она? В ночь? Родион, что же ты за нерях, диву даюсь! Чем дальше живешь, тем дурнее становишься, право слово! Ладно эти, они человеки, ничего почуять в ней не могли, но ты-то? Там же Карпыч, он красу нашу в свою свиту непременно забрать захочет, чтобы на русальной неделе, стало быть, ее... Ахти мне, ахти! И девки речные тоже сразу же ее за ноги сцапают. Будь уверен, они уже знают, где она живет и к кому приехала! Неважно, что из реки не вылазят, все одно ведают. Что ты глаза пучишь? А то не знаешь, как они не жалуют тех баб, которые близ нашего хозяина тереться станут? Они ж после Аглаи через одну спят и видят, как из реки по лунной дороге уйти за горизонт.

Родька ошарашенно моргнул и уронил пирожок.

– Что-то не так? – С оперативника вмиг снова слетело благодушие, он привстал. – Что за Карпыч? Какая лунная дорога?

– Бежи, хозяин! – взвизгнул Родька. – Короткой дорогой бежи, через репейники! Может, не дошла она еще до реки-то!

Я, мигом поняв, что именно происходит, пулей метнулся туда, где за деревьями имелась вторая калитка, выводящая прямоком к дорожке, идя по которой можно было быстро добраться до реки, причем не выбираясь при этом на деревенские улицы.

– Ты здесь останься, – услышал я за спиной голос Антипа, который, похоже, заступил дорогу оперативнику. – Хозяин сам справится, там ты ему помощник, только испортишь все. Стой, тебе говорят! Не любит Карпыч таких, как ты, не друзья вы друг другу. Он глазом моргнет, еще и тебя девки в реке мигом утопят. Они сейчас в силе, ты сам к ним в руки дашься, доброй волей. Стой, говорю!

Пал Палыч что-то домовику ответил, причем голос его был раздражен до крайности, но что именно, я не расслышал, потому что покинул сад, выскочив за забор.

Более всего я боялся подвернуть ногу, поскольку это замедлило бы меня крайне. А среди тех буераков, которые Родька громко назвал «короткой дорогой», подобное могло случиться запросто, там и кроты поработали, и время, и еще

невесть кто. А промедление было смерти подобно, причем в самом прямом смысле. Я не знаю, что учуяли в Вике Антип и Родька, но одно мне было ясно предельно: ей грозит опасность. Настоящая и смертельная. Карпыч водяник не злой, но если он чего-то захочет получить, то от своего не отступится. Да еще эти русалки, относительно которых Антип все верно подметил...

Вот чего тебе днем не купалось, Вика? И солнышко вчера теплое светило, и ветра не было. Чего ночью тебя на реку потянуло?

Я упал, покатился по земле, ломая сухие прошлогодние стебли репейника, снова вскочил на ноги и помчался вперед с тем, чтобы через пару минут, проломившись через стену кустарников, выбежать на берег реки.

Не успел. Причем, похоже, что совсем чуть-чуть не успел. Полотенце и легкий сарафанчик лежали на берегу, а вот Вики рядом с ними я не увидел. И водная гладь была почти недвижима, разве что только волна еле-еле накатывалась на берег, немного при этом искажая серебристую лунную дорожку.

Горло стиснул спазм, перекрывая дыхание, в виски тяжелым молотом бахнула кровь, и отчего-то очень захотелось заорать в голос.

Наверное, от бессилия. Она где-то там, под водой, ее, наверное, еще можно спасти, но где именно? Не подскажет мне этого никто. И Карпыча можно не звать, не выйдет он на зов. При этом он наверняка где-то здесь у берега плещется, ждет, пока у Виктории все дорожки к жизни окажутся отрезанными.

Но не заорал. Не успел. Просто именно в этот момент не так уж далеко от меня вспучилась вода, и я увидел взметнувшуюся вверх Вику, на плечах которой повисло сразу две русалки. Она выплюнула изо рта воду, жадно глотнула воздуха, было дернулась вперед, к берегу, но тут к парочке речных дев добавилась третья, и сотрудница отдела снова скрылась под набежавшей волной.

– Отпустите ее! – раненым слоном завопил я, буквально влетая в воду. – Слышите меня?! Иначе кранты вам! Слово даю, если она утонет, то погублю я эту реку на хрен, тут даже лягушки жить не смогут! В нее навоз со всей области сваливать станут! Денег не пожалею, экологической полиции не побоюсь! Карпыч, ты меня знаешь!

Конечно, грозить Водному Хозяину, находясь при этом в его владениях, являлось не слишком разумным поступком, но мою душу одновременно раздирали гнев и страх за Вику, потому я не особо задумывался о последствиях. Главное – спасти ее, а остальное ерунда. Мелочи жизни.

Я нырнул в том месте, где пару секунд назад скрылась под водой моя гостья, и там, под водой, увидел, как уже аж четыре русалки без малейших раздумий ее топят, вцепившись в руки и ноги. Мало того, по соседству и остальные их товарки ошивались, глядя на происходящее и переговариваясь.

Воздуха у меня в груди оставалось все меньше, а у Вики, судя по пузырям, вылетающим из ее рта, его вовсе не было, потому я тянуть не стал. Не знаю, откуда взялась сила, но мне удалось разбросать в стороны русалок, державших девушку, подхватить ее и поплыть в сторону такого иллюзорно близкого берега.

– Она наша! – ударил мне в спину многоголосый девичий визг. – Ведьмак, мы в своем праве! Это наша река!

Внимания на этот гвалт я не обращал, стремясь как можно быстрее покинуть смертельно опасную для Вики реку, и даже ощутил под ногами речной песок, но тут мне в лодыжки вцепились чьи-то пальцы и потянули назад.

– Карпыч! – выпростав голову из воды и глотнув воздуха, снова заорал я. – Отзови своих девок! Добром прошу! Ведь я тебя даже с того света...

Тут меня с головой накрыла вода, хуже того, я вволю ее глотнул, что было крайне неприятно. И самое скверное, я из последних сил удерживал безвольное тело Вики, которое у меня буквально вырывали из рук осатаневшие русалки.

И вдруг все кончилось, кто-то с немалой силой схватил меня за волосы и потащил из воды на сушу.

– Никогда мне больше не угрожай, ведьмак. – Как оказалось, неведомым благодетелем был не кто другой, как Карпыч, к которому я все это время и взывал. – Не люблю этого. И потом, правы мои русалки, девка сама пришла на мою реку майской ночью, сама полезла в воду, перед тем мне не поклонившись, почтения не оказав. Стало быть, я в полном своем праве.

– Тьфу! – выбравшись на берег, я выплюнул воду изо рта, несколько раз глубоко вздохнул, а после, полностью игнорируя неторопливо вещавшего Карпыча, тряхнул Вику, более всего напоминавшую сейчас сломанную куклу.

Но нет, она не хрипела, воду из себя не извергала и вообще, похоже, уже не дышала.

– Беда, – просипел я, убедился в том, что нос и рот девушки не забиты тиной или песком, перевернул ее на живот и сунул ей два пальца в рот, резко надавив на корень языка. Чему-чему, а технике помощи утопающим меня в свое время хорошо обучили. Просто я два раза по молодости тонул: впервые из-за ненужных понтов, а после спьяну. Оба раза добрые люди меня спасали и откачивали, а теперь вот тот давний опыт пригодился.

По крайней мере, я очень хотел в это верить.

– Все одно помрет, – вороной каркнула Лариска, вынырнувшая из реки неподалеку от нас. Да и все ее подружки здесь же находились, глазели на нас – меня, взъерошенного и мокрого, и девушку, которая в данный момент прощалась с жизнью. Я не видел привычных мне знаков Смерти, не слышал мелодий иных миров, просто это знал. – Отдал бы нам, все лучше бы вышло, хоть какая, а жизнь. А теперь ни того ей, ни другого.

– Она умрет – ты тоже сдохнешь, – хрипнул я и снова нажал на язык Вики, всем сердцем желая, чтобы она сейчас дернулась, закашлялась, а после начала из себя извергать потоки воды, но при этом осознавая, что, видно, зря я жду чуда. Надо переворачивать ее обратно на спину и начинать дуть в рот, время от времени массируя сердце, других вариантов вроде нет.

– Кх-х-х-а-а-а! – выдохнула девушка, открыла глаза и забилась в рвотных спазмах. – Х-х-х-а-а-а!

– Живучая, – недовольно произнесла сварливая русалка и тряхнула гривой зеленых волос. – Вот же! Экая досада!

– Это не она живучая, – холодно произнес ее повелитель, пристроившийся неподалеку от нас на бревнышке. – Это ты, задрыга, нерасторопная. Даже

утопить человечичу тебе поручить нельзя. Вот до чего же пустое ты создание, Лариска, до чего бесполезное. Надо тебя кому-нибудь из соседей в зернь проиграть, что ли? Я помучался, теперь они пусть пострадают.

– Ф-ф-фой, – выдохнула девушка, которую я так и не выпустил из рук. – Ох!

– Все-все, – я погладил ее по голове. – Обошлось. Ты на суше, и ты жива.

– Одежду дай, – сорванным голосом попросила Виктория, вытерла ладонью рот, а после, косо глянув на меня, прикрыла руками обнаженную грудь. Да-да, купалась она почти в чем мать родила. – И не смотри на меня.

– Почему нет? – удивился Карпыч и по-молодецки крякнул. – Девка ты молодая да ладная, есть на что поглядеть. Ну так и ты пользуйся, пока такая возможность есть. А то лет через десять-пятнадцать, может, сама рада будешь мужику чего показать, только оно никому уже и не понадобится.

– Он кто? – уставилась на меня девушка, из взгляда которой постепенно исчезали недавние страх и боль. – А?

– Это Карпыч, – пояснил я, протягивая ей поднятый с песка сарафан. – Владыка данной реки и повелитель вон тех водоплавающих девиц, которые тебя только что на тот свет не определили.

– Девки мой приказ выполняли, – любезно пояснил Вике водяник. – Очень захотелось мне тебя в свою свиту забрать, красавица. Исконно в ней должны присутствовать только те, кто сам с жизнью простился, в мои воды уйдя. Доброй волей, так сказать. Но твой случай особый, здесь от традиций и даже Покона чутка отойти в сторонку можно, тем более что ты сама нарушила все уклады вежества, которые только можно. По незнанию, вестимо, только мне до того какая печаль? Нарушила же. Ну и еще один резон у меня имелся, личный. Только вот не получилось ничего. Жаль.

– Не разделяю ваше недовольство. – Натянув на себя одежду, Вика явно стала чувствовать себя чуть увереннее, правда, на ногах все равно стояла не очень твердо. – Но рада, что настолько понравилась вам, что вы решили меня убить.

– Не убить, дуреха, – поправил ее Карпыч мягко. – Забрать. Это разные понятия. Совсем разные.

– Не вижу разницы. Так и так жизнь закончится, как способ ее потери ни назови.

– А она нужна тебе, такая жизнь? Понимаешь, о чем я? – глаза Карпыча, до того обычные, налились нехорошей зеленью. – Много ты от нее радости сейчас берешь? А? Здесь хоть все настоящее будет. Сама себе хозяйкой стала бы.

Ничего не ответила Вика на его злые, в общем-то, слова, только поклонилась поясню, подобрала полотенце и отправилась в ночную темноту, туда, где находился мой дом.

– Пстой, ведьмак, – велел мне Карпыч, и я, подумав, решил уважить его. Водяник же, дождавшись, пока Вика изрядно удалится от берега, произнес: – Проводишь ее и возвращайся. Если, конечно, кое-что про подружку свою узнать хочешь, то, что она сама никогда тебе не расскажет. Надо же мне тебе за твой героизм при спасении утопающих хоть какую-то награду выдать, верно?

Много в голосе водяника ехидства присутствовало, это трудно было не заметить. Не доброе дело он сделать хочет, а шпильку в бок сунуть за то, что я помешал реализовать его замысел. Но все равно я согласно кивнул и поспешил за Викторией, сарафан которой вовсе в темноте неразличим был.

Мы молчали с ней всю дорогу, и, только когда в поле зрения появился темный силуэт крыши моего дома, она остановилась и сказала:

– Ребятам не рассказывай ничего. Не надо. Они же после и мне жизни не дадут, и в реку эту цистерну мазута сольют, с них станется. Или две. Водяного и русалок не жалко, а вот рыбу и прочих подводных обитателей – очень.

– Я все же гуманнее. Я обещал Карпычу его владения всего лишь унавозить, если он тебя не отпустит. Какая-никакая, а органика.

– Ничего не слышала. В ушах сначала стоял шум, а после все исчезло, только серость какая-то перед глазами осталась.

– Ты молодец, – очень серьезно ответил ей я. – Боролась до конца. Не вырвись ты от русалок, не выскочи из-под воды, я бы тебя не увидел и не смог на помощь прийти. Так что, считай, ты сама себя спасла, я так, помог самую малость, и только.

– Что до слов этого противного старикана – ерунду он какую-то нес, – пытливо глянула на меня девушка. – Я, если честно, ничего не поняла, так, кивала на автомате, не более.

– Вообще его не слушал, – решил поддакнуть ей я. – Но с ними всегда так. Что он, что другие Хозяева, особенно из тех, кто постарше, – они чудные. Их хлебом не корми – дай только таинственности нагнать и намеков непонятных накидать собеседнику. Мне кажется, они так развлекаются. Мол, наплету дурачкам семь верст до неба и все лесом, а они пусть ищут в сказанном тайный смысл. Авось и найдут.

– Может, и так, – согласилась со мной Виктория, а после неожиданно обняла меня за шею и поцеловала. Хорошо так, по-настоящему. Не по-дружески или по-братски.

Правда, продолжения не последовало, девушка отстранилась от меня, развернулась и отправилась в сад, откуда, кстати, доносился какой-то гвалт.

Оказывается, там дрались Антип и Родька, причем не шутейно, а от всей души, с сопением, размахиванием лапами и обвинениями друг друга в разных грехах.

– Саш, разними их, – потребовала Виктория. – Они же друг друга поубивают!

– Это вряд ли, – с сомнением произнес я. – Не может мне так повезти. Но раз просишь... Эй, закончили потасовку! Закончили, говорю! Паш, из-за чего они сцепились-то?

– Да как раз из-за Вики, – охотно ответил оперативник. – Домовой твоего слугу обвинил в безответственности и преступной халатности, тот мигом завелся, и понеслась. Вик, у тебя все нормально?

– У меня все отлично, – тряхнула мокрыми волосами девушка и отправилась в дом.

– А у тебя? – обратился ко мне Михеев.

– Пожалуй, тоже, – подумав секунду, ответил я. – И даже весьма. Коля не возвратился еще?

– Нет, – с сомнением глянув на мою мокрую одежду, произнес оперативник. – Подожду еще часок, а после пойду его выручать. Ты со мной?

– Здесь воздержусь. Одно дело – Вику от потенциальной опасности спасти, другое – Николая от вполне реальной. И потом, вы уедете, а мне тут дальше жить.

– Резонно, – согласился со мной Пал Палыч. – А ты чего по карманам шарисься? Что-то потерял?

– Елки-палки, смартфона нет, – расстроенно объяснил ему я, не желая объяснять истинные причины того, отчего мне надо вернуться обратно на реку. – Как видно, на берегу выронил. Опять придется по темноте шастать.

– Судьба. – Михеев взял пирожок с блюда. – А с этими что делать? Ты уйдешь, они ведь опять сцепятся. Вон как друг на друга зыркают злобно.

– Вылей на них пару ведер воды. Два в одном получится: Антип остынет, Родька помоемся. Все, я быстро.

Глава вторая

Карпыч сидел на том же месте, где я его оставил, бросал камушки в воду и задумчиво смотрел на круги, которые те оставляли на месте падения.

– Ты, парень, наверное, сейчас думаешь обо мне не сильно добро, – произнес водяной, когда я подошел поближе. – За душегуба держишь, верно? Мол, захотел бессовестный старый хрыч красивую девку себе в свиту прибрать, потому глазом не моргнув ее под воду потащил.

– Не прямо этими словами, но что-то такое в голове вертится, – признался я, пристраиваясь напротив него.

– Что до совести – ее и впрямь у меня нет, – заверил меня Карпыч. – Я нелюдь, мне она не положена в принципе. Вам, человекам, она с рождения выдается, так же как стыд или алчность непомерная. Мы подобных роскошеств лишены, у нас все проще.

– Я в Европе пару раз с вурдалаками пересекался, так что насчет алчности вы погорячились. Жаднее их вряд ли кого сыщешь в Ночи.

– Вурдалаки нежить, а не нелюдь, ты не путай. Да и потом, нет в них никакой алчности, не наговаривай на это племя. Деньги им нужны постоянно, верно, но чтобы золото-серебро копить? Брось! Копеечка к копейке – это только ваше, людское. А они все, что добыли, сразу же спускают до нитки, не считая. Очень до радостей жизни жадны становятся после того, как с ней навеки распрощаются. Как же это слово-то... Компенсируют они одно другим, вот!

– Ну, может, и так, – согласился я.

– А девку я хотел из-за тебя утопить, – монотонно проговорил водяной и бросил в реку еще один камушек. – Чтобы она, грешным делом, тебя же с панталыку и не сбила. Не скажу, что ты, парень, мне очень уж дорог, но мы с Ермолаем рассудили, что другого ведьмака нам здесь, под боком, пожалуй, что не нужно. Мало ли кто на твое место придет, верно? Нынче люди сильно разные попадают, не то что прежде. Я с одним утопленником беседу на той неделе имел, он с моста навернулся и сразу камнем на дно пошел, так это же кошмар. Вроде бы вы с ним почти ровесники, а я половину сказанного этим никчемой вообще не понял. Он как иноземец какой-то, даром что вроде наш. «Ты, дед, – говорит, – не флекси. Я не утонул». Объясняю: «Нет, милочка, утонул. Уж будь уверен». А этот снова: «Это пранк, не мог я рипнуться. И вообще ты, дед, токсичный какой-то». Говорю тебе: вроде он и по-нашему изъясняется, но ничего же не понять. Куда такое годится?

Не повезло Карпычу, нарвался он на прожженного миллениала, который в реку наверняка сверзился потому, что хотел селфи покруче сделать, а плавать при этом не умел. Я таких еще по старым временам помню, они за хороший кадр для ленты в инсте и сотню-другую лайков к нему душу дьяволу продадут. У них инстинкт самосохранения напрочь отключен, причем вместе с той частью мозга, которая за него отвечает.

Правда, не совсем ясно, кой черт этого клоуна в наши края занес, так далеко от фрешей, воркаутов и устойчивого сигнала вайфая.

– И что ты с ним сделал?

– Уморил до конца да под корягу запихнул. Мне он не нужен, потому станет рыбе кормом, – равнодушно ответил водяной. – Хоть какой-то прок.

Нет, не Карпычу не повезло, а миллениалу. Впрочем, и черт с ним. Забыли.

– Но я-то тут при чем? И моя знакомая?

– Погубит она тебя, Александр, – пояснил водяной. – Не сейчас, так потом, но обязательно. А нам с Ермолаем того не надо. Говорю же: ты нам живой полезней, чем мертвый.

– Да с чего ей меня губить? – немного раздраженно уточнил я. – Между нами вражды нет и не предвидится. Даже наоборот... Ну, отчасти.

– Только вот с твоей стороны это «наоборот» есть, а с ее нет, – отметил Карпыч. – Верно же?

– Большей частью да, – кивнул я. – Иногда мне кажется... Да, блин, это уже слишком личное!

– Может, и не кажется, – бросил в реку еще один камушек водяной. – Только все равно ничего у вас не выйдет, парень. Поверь ты мне. Ну что ты глазами лупаешь? Проклятие на ней лежит. Вернее, на роде ее. Причем не теперешнее, которое развеять ничего не стоит. Нет, тут кто-то из старых и сильных постарался, руническую вязь ни с чем не спутаешь. Какая-то из ее прапрапра- и

так далее бабок перешла дорогу одной из веды знающих, причем из тех, первых. Или кому-то из ближниц этих самых первых, что вероятнее. Может, молодца доброго увела, может, еще что натворила, поди теперь узнай. Вот с тех пор и тянется за родом девки этой проклятие, и нет ему переводу. Чудно, кстати, то, что он, род-то, до сих пор не прервался. По-хорошему, еще поколений десять назад должен был зачахнуть, как деревце без воды. Хотя, может, это часть начального умысла, первые ведуны на подобные штуки были мастерицы. Мол, из века в век будете жить и мучиться, осознавая, что цепочка бед ваших никогда не прервется.

– Что за проклятие? – уточнил я. – Хотелось бы конкретики. В чем оно выражается?

– Поглупел ты на чужбине, – печально вздохнул Карпыч. – Раньше на лету мысль ловил, как лещ муху, а теперь совсем остолопом стал. Любить ей никого нельзя. Как кто ее сердце растеребенькает, так и все, считай, пропал мужичок. За ним Смерть мигом охоту начнет, а она промахов не допускает, всегда свое забирает. И, сдается мне, девка о чем-то таком догадывается, потому тебя к себе особо не подпускает, да и остальных, надо полагать, тоже.

– Сам же говорил, что, дескать, из века в век, из поколения в поколение... Как же она может не знать?

– Да запросто, – отмахнулся водяной. – Я с таким уже сталкивался. Глянь на Марьяну. Да нет, не эта. Вон та, у которой титьки торчком вечно. Видишь? Ага, верно. Она тоже из проклятой семьи, только сама о том не знала. И мать про то не ведала, и бабка. Догадываться догадывались, а наверняка не знали. Только тут, в моей реке, ей все и открылось, потому как за гранью жизни тайн для человека не остается, все явным становится. Так что и горемыка эта тоже может ничего не знать. Так, одни догадки, не более. Только женское сердце не мужское, оно шерстью покрыться не может, потому, ежели ты не угомонишься, она раньше или позже может слабину дать, и после того, как это случится, добра не жди. Ну а нам с Ермолаем...

– Да-да, я помню, – прервал его я. – Другой ведьмак не нужен, вас и я устраиваю.

– Вот-вот, – покивал водяной. – Потому я и решил ее к себе забрать. Опять же, девка красивая, неглупая, душой чистая, не то что ее друзья-приятели. Да и

беда ее только для смертных беда, а мне эдакая напасть даже кое-какую пользу может принести. К тому же я в ней еще кое-что почуял, но про то тебе знать ни к чему.

– С чего бы? – подобрался я. – Может, и к чему?

– Ты со мной поспорить решил? – усмехнулся Карпыч. – Ну-ну.

– А снять проклятие никак нельзя? – поинтересовался я у него. – Что одна ведьма наложила, другая завсегда изничтожить может. Разве не так?

– Ты нынешних ведьм видал? – насмешливо осведомился у меня водяной. – Стыд да позор. Порчу навести должно не в состоянии, куда им с наследием первых управиться?

– А Дара? – потыкал я пальцем себе за спину. – Эта много на что способна.

– Так-то да, – подумав, кивнул Карпыч. – Не поручусь, что совладает, но сила в ней есть. Только ты за такую услугу с ее стороны лет на сто в услужение к ней попадешь. Уж поверь. А теперь рассуди – оно тебе надо? Девочек на свете ой как много, а что до любви... Я в нее не верю, потому как живу давно, разного навидался. Знаешь, сколько парней да девочек за столетия на берегах моей реки сидело, особенно у омутов, под ветлами или ивами? У-у-у! И все как один о любви говорили, друг дружке клятвы вечные давали. А потом что?

– Что?

– Иные девочки после тех ночей, что потемнее да потеплее, ко мне топиться прибегали, – пояснил Карпыч. – Парни нет, им оно ни к чему. А девочки – да, каждая десятая точно. Какие от расстройства, какие по отчаянию, а иные, чтобы грех да позор скрыть, по слабости нутра допущенный, пока пузо до носа не выперло и ворота дегтем не вымазали. Так-то. Потому не дури, ведьмак, не ищи на свою головушку бедовую новых напастей. Иногда надо не мчать вперед, по сторонам не глядя, а остановиться и поразмыслить – куда бежишь-то? Зачем? Надо ли оно тебе вообще? Знаю, что ты парень не совсем глупой, слова мои услышишь и осмыслишь. Потому и пожалел вас обоих, девочку ту тебе отдал, себе забирать не стал. Что ты глазами так зыркаешь? Если бы веры в твой разум не имел, то непременно утопил бы ее. Ну да, повздорили бы мы с тобой, что ж

теперь. Только позлобился бы ты на меня год, другой, третий, а там, глядишь, пришел бы на берег, костерок разложил, картошечков в уголья напихал – и все, обид как не бывало. Время, ведьмак, все рано или поздно стирает, всех под один пробор чешет.

– Может, и так, – согласился с ним я. – И все-таки неужто сильных ведьм не осталось, что смогут эти старые чары снять? В Москве, например, Марфа обитает, так она, по ходу, много чего может.

– Ты пойми, ведьмак, не все сила и прожитые на Земле годы решают, – мягко, как ребенку, объяснил мне Карпыч. – Знания – вот истинное мерило мастерства настоящей природной ведьмы. А их утрачено знаешь сколько? И-и-и! Что ты! Тогдашняя самая никчемушная чернавка запросто нынешнюю верховную за пояс заткнула бы, случись им схватиться. Рассеялись знания за тысячелетия, в пыль превратились. Это сейчас времена такие, что творить можно чего угодно, а тогда все по-иному обстояло. Сколько ведьм из первых селяне пожгли в домах, сколько по-другому изничтожили? Не сосчитаешь. И их секреты вместе с ними уходили, навсегда, навеки. Какие-то в черных книгах оставались, да где они теперь? Сгнили небось давно в тайниках. А если и нет, то не достанешь их оттуда никак, это верная смерть. На тех книгах такие запретные чары от чужих рук да чужих глаз лежат, которые не обойдешь.

Если бы не железная уверенность в том, что Карпыч ну никак не мог сговориться с Марфой, то подумал бы, что меня сейчас тихонько, исподволь подводят к тому, чтобы я ввязался в расклад с книгой Рогнеды. Но такое точно невозможно. Просто в силу того, что не стал бы водяник заключать союз со столичной ведьмой, слишком уж они разные. Да и больно сложная комбинация получается, с запредельным количеством случайных факторов. Никто так не делает.

– Ладно. – Я поднялся с песка. – Спасибо тебе, Речной Хозяин, за то, что пожалел мою гостью, за советы твои и за то, что моей судьбой озаботился. Мало от кого добро последнее время вижу, потому ценю его безмерно.

– В том и мой интерес был, так что не за что.

– И еще один вопрос. – Я отряхнул джинсы. – Вика сама надумала пойти искупаться?

– Девки сильно любят по ночам в реке нагишом плескаться, – чуть по-лягушачьи растянул губы Карпыч. – Должно, нравятся сами себе в лунном свете. Даже мои, даром что давно уже неживые, и то это дело уважают.

– Конкретно эта и конкретно сегодня – сама?

– Вот что тебе за печаль? – Поднялся с бревнышка и водяник. – Сама, не сама... Кончилось все хорошо? Ума тебе да ей прибавилось? Ну и славно.

Значит, все-таки его рук дело. Интересно как? Хотя... Он тут всем ручьям да ключам, надземным и подземным, хозяин, и тому, из которого мой колодец запитывается, наверняка тоже. А остальное – дело техники.

Надо будет в доме запас воды сделать, что ли? Пятилитровых жбанов штук десять привезти на случай приезда гостей.

Хотя по факту все получилось не так и плохо, много интересного я сегодня узнал. Понять бы только теперь, как этими знаниями правильно распорядиться.

– Карпыч! – окликнул я водяного, который уже зашел в реку. – Это что же получается? Ей, выходит, вовсе лучше по ночам в реках не купаться? Ты ведь не только из-за меня ее хотел утопить? Есть и другой повод, тот, на который твои сородичи могут соблазниться?

– По весне да не сказав нужных вежественных слов – нет, – ответил мне он. – После русальных недель – можно, а до того не стоит.

Что же он такое учуял, а? И ведь не добьешься от него правды, нет. Коли сразу не сказал, то все, забудь. Со временем, может, и визнаю чего, но не сейчас.

Если только дядю Ермолая попробовать расспросить, он тоже может быть в курсе происходящего.

– Нашел смартфон? – поинтересовался у меня Пал Палыч, все так же сидящий за столом и пьющий уже невесть какую по счету чашку чаю.

– Нашел, – подтвердил я. – Николай вернулся?

– Нет. Но и контрольный срок еще не вышел, потому сидим ждем. Да и не думаю, что старая карга ему вредить станет вот так, по нахалке. Она же не сумасшедшая, прекрасно понимает, что за этим последует.

– А где мои охламоны? – повертел головой я. – Никак друг друга поубивали наконец?

– Помирились, самовар для меня подогрели, а после в дом ушли, – хмыкнул гость. – Вику там чаем отпаивают. Она было в сад вылезла, так эти двое переполошились, мол, вся мокрая, ветерок в мае студень, не ровен час, простудится. Слушай, заботливый у тебя домовик какой, прямо позавидовать можно. От нашего Аникушки только сушек и дожدهшься, на большее рассчитывать не приходится. И если что не по-его, сразу валенками бросается.

– Ну, у Антипа характер тоже не сахар, – заметил я. – Это он сейчас более-менее успокоился, а поначалу такой жизни мне давал – что ты! Один раз утюг на ногу сбросил. И не какой-нибудь современный, а старый, паровой. В нем весу знаешь сколько? Да ты и сам должен помнить, какой он был, чего я тебе рассказываю?

– Характеры у всех нас не сахар, знаешь ли, – отпил чаю оперативник. – А вот такие пироги печь – тут талант нужен. Да и Родион твой хоть и болтун, а за тебя в огонь и в воду. Это сразу видно.

– Ленив только без меры, – вздохнул я. – И прожорлив до невозможности. Иногда даже гадаю: куда в него столько еды лезет? Сам-то вроде росточком невелик.

Хлопнула калитка, послышались шаги, и секундой позже к нам подошел Николай.

– Ну, как сходил? – подался вперед Михеев. – Как переговоры прошли?

– Мило и ненавязчиво, – задумчиво произнес Нифонтов, усаживаясь за стол. – Если коротко – услуга за услугу. Она помогает мне, я – ей.

– Это было ясно еще до того, как ты отправился в гости, – хмыкнул его коллега. – Никакого другого развития событий и не предвиделось.

– Пойду в дом, – поднялся на ноги я, сообразив, что при мне Николай товарищу все равно ничего толком не скажет. – Спать пора.

– Доброй ночи, – с признательностью глянул на меня Нифонтов. – Мы еще немного посидим и тоже на бочок.

– Да, надеюсь, вы не против, если я завтра с вами в город отправлюсь? Найдется для меня место в вашем микроавтобусе?

– Мог бы и не спрашивать, – вполне правдоподобно обиделся на меня Михеев. – До подъезда доставим, даже не сомневайся. Не чужие же друг другу люди.

Не чужие, это верно, но, как ни грустно, и не до конца свои, иначе чего бы Нифонтов при мне в секреты стал играть? Особенно если учесть, что именно я ему эти переговоры и устроил?

Впрочем, я в данном случае без претензий. К интимным делам Николая я никаким краем не отношусь, разборки Дарьи Семеновны и Марфы (а речь у этой парочки почти наверняка шла о вендетте, я в этом практически уверен) мне тоже по барабану.

Хотя... Вру. Не совсем так дело обстоит. Запали мне в память слова Карпыча о том, что в старых ведьминских книгах чего только не отыщешь, в том числе и способы снять старые проклятия. Знал старый хрыч, когда, что и кому именно говорить.

Да и Марфа мне по нраву пришлась больше, чем Дара, пусть даже пребывающая ныне в новой покладистой ипостаси. Нет, московская ведьма явно такая же змеюка, как моя соседка, но с ней договориться, похоже, проще будет. Она, если можно так выразиться, гибче.

Впрочем, может, я и заблуждаюсь. Многие психологи утверждают, что первое впечатление о человеке всегда самое верное, вот только я на личном опыте не раз убеждался в том, что все совсем не так. И со мной, полагаю, согласится куча народу, которая успела поработать в банках или сфере обслуживания.

Короче, нужна помощь родных и близких. Вернее, только близких, родные в данной ситуации мне точно никак не поспособят. Они скорее меня опять запрягут землю копать или забор поправлять. К тому же, по-хорошему, мне вообще следовало этих близких еще на той неделе собрать в уютном зале ресторанчика с видом на Яузу, где от пуза напоить пивом и накормить жареными куриными крылышками по старинном баварскому рецепту.

А то ведь не по-нашему выходит, не по-ведьмачьему. Не по-братски.

Вот и совмещу два дела в одном: проставлюсь по прибытии и, может, какой полезной информации о Марфе раздобуду. А там уж приму решение – нужен мне весь этот головняк или нет. И если да, то на чьей стороне я выступать стану.

Впрочем, кое-какие нюансы я решил уточнить еще до отъезда в Москву, потому с утра пораньше появился под окна Дарьи Семеновны и заорал:

– Эй, соседка, выходи-ка на крыльцо! Солнышко встало, и тебе не след спать!

– Ты же сегодня уезжаешь, верно? – распахнув окно, уточнила у меня старая ведьма. – Да? Вот и славно. Всем хороший ты парень, ведьмак, но очень много от тебя шума.

– Да ладно на меня наговаривать-то. И шума не так уж много, и хорош я не настолько.

– Как же! – всплеснула руками Дара. – Хорош, хорош! Ты добрый, доверчивый и глупый. Куда же еще лучше? По мне, самое то. И не меняйся, касатик, с годами. Не надо!

Умыла меня старая карга. Причем красиво.

– Ну да, прямо моя характеристика, – как можно шире улыбнулся я. – Соседушка, я чего зашел. Рассчитаться бы самое время.

– Сейчас выйду, – пообещала ведьма. – Жди.

Не стану врать, подумал было, что она меня здесь, у калитки, сейчас с полчаса промаринует, но нет, через пару минут старушка подошла ко мне, зябко кутаясь в здоровенную темно-лиловую шаль.

– Кости ломит, – пожаловалась она мне и глянула на небо. – Но оно понятно, как раз днями черемуха зацвела.

– И какая тут взаимосвязь? – озадачился я.

– Прямая, – пояснила бабка. – Зацвела черемуха – жди холодов. Нынче к вечеру хмарь натянет, а завтра с севера ветра холодные задуют. Все, до русальных недель теперь тепла не жди.

– Досадно, – опечалился я. – Впрочем, это тот случай, когда мы сами ничего изменить не можем, потому приходится принимать то, что есть. Да и не за тем я здесь. Дарья Семеновна, позолоти ведьмаку Сашке ручку честно заработанной наградой.

Я придал лицу наивно-наглое выражение и вытянул руку так, чтобы раскрытая ладонь оказалась под самым носом ведьмы.

– Подавись, – ласково проворковала та, достала откуда-то из-под платка миниатюрный узелок и положила его в эту самую ладонь. – Вот все же хваткое у вас поколение, из всего выгоду извлечете. Нет в вас бескорыстия.

– Есть, – возразил ей я, развязывая тряпицу. – Вопрос всегда только в доходности, которую может обеспечить это бескорыстие. Дарья Семеновна, тут точно половина корня? Вроде тот огрызок, что ты мне тогда показывала, побольше был.

– Клянусь Луной – половина, – недовольно буркнула бабка. – Да и какой смысл мне тебя дурить?

– Прямой, какой еще? Как и мне тебя, ради правды. – Я взвесил мандрагыр на ладони. – Н-да, невелик прибыток.

– Смотря для чего. – Дара оперлась локтем на калитку. – Если баб, к примеру, от бесплодия лечить, то тебе этого кусочка на дюжину яловых хватит, а то и поболее. Слышала я, ты таким образом промышлял одно время.

– Случалось, не стану скрывать. – Я зажал кусочек корня пальцами и повертел его влево-вправо. – Жить на что-то было надо. Дарья Семеновна, а возраст у него какой? Сотня лет будет?

– И-и-и, милай! – захихикала старуха. – Если бы у меня эдакое сокровище в закромах имелось, я бы его тебе сроду-роду не предложила. И даже не упомянула бы о том, что оно у меня есть. Такие вещи, как старый мандрагыр или живая вода, – они не для всех, ясно? Они только для себя и больше ни для кого. А этому три десятка лет всего.

– И этот человек упрекал меня в корыстолюбии, – хмыкнул я и завернул огрызок корня в тряпицу. – Хотя, по сути, все верно. Но по факту выходит, что больного человека этот корень на ноги не поставит даже на время?

– Сильно больного? – деловито осведомилась старуха.

– Смертельно. На самой последней грани стоящего.

– Нет, – мотнула седыми космами бабка. – Такого не поставит. И боли ему на время не убавит. Но зато убьет.

– «Зато»! – восхитился я. – Очень оптимистично.

– Остолоп ты, ведьмак, – рассердилась ведьма. – Как ты до сих пор живым остаться сумел, не понимаю. Кхм, да... Так вот, корень, что я тебе дала, у такого хвораго сперва боли уберет, после душу ему успокоит, мысли печальные отгонит, радость подарит, а под конец в такой сон погрузит, из которого тот уже никогда не выйдет. Но будет тот сон спокойный, яркий, как в детстве. Что ты скалишься? Сам же знаешь, что перейти из одного мира в другой частенько задача не из простых. Столько всякого-разного человека на этом пути поджидает иногда, что страх берет. Иногда по уму умереть вообще становится самой трудной в жизни задачей, так-то. А самое главное, душа его тут не застрянет, точно отправится туда, куда должно.

– А дозировка? – я подбросил на ладони узелок. – Чтобы уйти без печальных мыслей и с доброй улыбкой на лице?

– Тут все от массы тела пациента зависит, – пояснила Дара. – Если сильно грузный бедолага попадется, то того, что я тебе отдала, может и не хватит.

– Ясно. – Я убрал свое новое приобретение в карман. – А как его давать? Сырым, в протертом виде или в виде отвара? И если да, то сколько варить? Может, добавки какие нужны?

– Телефон свой мне диктуй. – Ведьма запустила морщинистую длань под платок, а когда она появилась обратно, то в ней был зажат айфон, причем одна из последних моделей. – Я тебе по ватсапу рецепт пришлю. Считай, это тебе привесок за оказанную услугу.

– Смотрю, ты в стороне от прогресса не стоишь, – с почтением произнес я. – Уважаю!

– Только те, кто готовится умереть, цепляются за прошлое, – буркнула старушка, шустро водя узловатым пальцем по экрану. – А я планирую еще долго жить, врагам на горе, себе на радость. Диктуй, говорю.

– Надеюсь, что не вхожу в список тех, кто будет горевать, – сказал я ведьме после того, как продиктовал свой номер. – Кстати, может, и ты мне свой телефончик оставишь? Обещаю по пустякам не тревожить и по ночам не звонить.

– Потом из сообщения скопируешь, – отмахнулась бабка. – Что до второй части награды – она тоже твоя. Надо будет кого прибрать тихонько и без следов – приходи, сделаю. Но только сразу предупреждаю: речь только о людях идет. Вурдалака какого или оборотня я за Кромку отправлять не стану, ясно?

– Само собой, – заверил ее я. – Да, об оборотнях. Ты такого Вернигора не знала, часом? Его еще Волчьим Пастырем кликали?

– Вестимо, знала, – подтвердила ведьма. – Сильный был мужчина, властный, ярко жил, никого не боялся и никого не слушал. Только ведь убили его, причем

давненько уж. Вон соратники твоих гостей постарались, их это рук дело. Вроде как старая стервь Павла собственноручно ему голову отрезала. А что у тебя к нему за интерес?

– Да так, – передернул плечами я. – Есть одна тема любопытная.

– Мандрагыр старый сыскать желаешь? – меленько засмеялась Дара. – Верно? Тот, что ему Мирослава за книгу Рогнеды отдала? Ну-ну, давай-давай. Удачи тебе!

– Ты иногда такой проницательной бываешь, что жуть берет. Ну а если и так, что с того?

– Ничего, – бодро отозвалась Дарья Семеновна. – Мне здесь один профит. Чем больше ты всякой ерундой станешь заниматься, тем реже тут околачиваться станешь. А то и вовсе тебя волкодлаки на ленточки карачуновы порвут.

– Поглядим еще, кто кого, – проворчал я, скрывая легкое раздражение, которое появилось у меня внутри то ли оттого, что старая ведьма так легко разгадала мои намерения, то ли оттого, что Дормидонтов мандрагыр, похоже, до меня только ленивый не хотел найти. – Слушай, соседка, а можно еще один вопрос?

– Только один, – предупредила меня бабка. – Просто скоро «Русское лото» начнется, я его никогда не пропускаю, еще с девяностых.

– Ты вот Рогнеду упомянула, – осторожно подбирая слова, начал строить фразу я. – Скажи, правду говорят, что в записках первых веды знающих можно найти ответы на почти любые вопросы, связанные с ведьмовскими практиками?

– Ничего не поняла, – хлопнула ладонью по калитке Дара. – Яснее изъясняйся или проваливай!

– Надо одно старое проклятие с человека снять, – выполнил ее просьбу я. – Из тех, что во времена Рогнеды и наложили. Ну, не на него, ясное дело, на кого-то из предков.

– Ты никак ту девку имеешь в виду, что с твоими приятелями приехала? – уточнила ведьма. – Верно?

– Может, ее, может – нет. Мне в принципе интересно.

– Ну, если в принципе, то да, в таких книгах много чего имеется. Правда, не все, что там написано, стоит в ход пускать, чтобы хуже, чем есть, не стало. А если о проклятой девке говорить... Ты уверен, что ей самой то нужно? Может, ей и так хорошо живется? Настоящее старое проклятие, наложенное одной из первых праматерей, ведьмак, штука очень тонкая и очень непростая. Оно что-то отнимает, это так, но при этом непременно что-то в ответ дает как компенсацию. Это сейчас все стало просто и банально: простенькие сглазы, незамысловатая порча, иная чепуха... А тогда, в истоках времен, когда новая вера еще не угнездилась, а старая в самой силе пребывала, на мелочи не разменивались. Если уж карали, то на совесть, так, чтобы и через тысячу лет потомки-бедолаги для себя решить не могли, как им лучше жить – с проклятием или без него? И какую долю для своих детей, внуков и правнуков выбрать. Вот ты знаешь, чего именно она лишится, если все по-твоему совершить?

– Нет.

– И я нет. Но мне все едино, потому как я с той девкой дружбу не вожу. Более того, она мне враг, как и все их отдельское семя. Чем им хуже, тем мне лучше. А вот тебе, похоже, не все равно. Верно же?

– Ой, вот только давайте обойдемся без этого психоанализа, хорошо? – поморщился я. – Просто спросил.

– А я просто ответила, – сверкнула белоснежными мелкими зубками Дарья Семеновна. – И все довольны.

Пора, пора разговор заканчивать, а то, чего доброго, не я в плюсе после него останусь, а зараза соседка. А ведь я хотел с ней еще пообщаться о Бэлле и о заклинании перемены участи. Но на этот раз все же воздержусь.

Но книга Рогнеды, похоже, все же у нее, права Марфа. Собственно, она это даже и не скрывает особо.

– Ладно, пойду свой мильен выигрывать. – Соседка в очередной раз запустила конечность под шаль, а когда она ее достала обратно, то в ней вместо айфона была зажата стопка билетов. – Повезет же мне когда-нибудь, верно?

– Непременно, – заверил ее я, даже не попытаюсь понять, как именно те к ней попали. – Даже не сомневайтесь.

Все то оставшееся время, которое мы провели в Лозовке, я то и дело поглядывал на Викторию, которая сегодня утром была непривычно весела и общительна. То ли запоздалый шок на нее обрушился, то ли еще чего – не знаю, но факт есть факт. Время от времени в саду и доме даже звучал ее искристый смех, что изрядно удивляло не только меня, но и ее коллег.

– Надо ее чаще к тебе сюда привозить, – сообщил мне Николай в тот момент, когда мы уже собирались уезжать. – Хоть на человека стала похожа. Имеется в виду живого, а не быстрозамороженного.

– Или надо чаще Сашку к нами приглашать, – голосом провокатора сообщил коллеге Михеев, хитро при этом глянув на меня. – Смекаешь?

Нифонтов пакостно захихикал, попутно доставая из кармана взывший сиреной смартфон.

– Да ну вас, – отмахнулся я, забрасывая рюкзак в микроавтобус. – Родька, залазь в салон. Все, уезжаем. Антип, вот еще что... Ты имей в виду, завтра здорово похолодает, причем ненастье придет надолго. Ты там что-то сажать собирался, насколько я помню. Может, погодить?

– Поглядим, хозяин, – степенно ответил мне домовой, а после сунул Виктории, стоявшей у калитки, небольшую плетеную корзинку, из которой пахло свежим печевом. – На дорожку вам. Приятного аппетита.

– Спасибо, – погладила его по голове девушка. – И за угощение, и за заботу. Я добро никогда не забываю, потому что подобное в моей жизни не так часто случается.

– Жизнь – она всякая, – огладил бороду домовой. – Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Но коли уж нашла – так сбереги, не расфуфырь обретенное по ниточке.

– И рада бы не расфуфырить. Смешное слово какое! Так вот, я бы и рада, только вот кто бы меня спрашивал.

– Мы едем, нет? – крикнул из кабины Михеев. – Если еще чутка потянем, то все, труба, на Минке, не доезжая до Кубинки, встанем намертво. Тогда проще тут остаться и завтра с утра рвануть, до свету.

– Едем, едем. – Николай убрал смартфон в карман, а после хлопнул меня по плечу: – Саш, а у меня для тебя появились хорошие новости. Да-да.

Глава третья

– Удиви меня, – разрешил ему я.

– В списке значился некто Анатолий Черемисин, помнишь? – деловито произнес Нифонтов. – Скончался прошлым летом от инфаркта в возрасте сорока девяти лет.

– Да в том списке все, почитай, от него загнулись, – невесело усмехнулся я. – Два профессиональных заболевания деловых людей – инфаркт да инсульт. Если первый не доберется, так второй обязательно тяпнет.

– Я бы предпочел первое, а не второе, – подал голос из кабины Михеев. – Лучше на тот свет отправиться сразу и быстро, чем долго и мучительно существовать в качестве овоща.

– Нам ни то, ни другое не грозит, – вступила в разговор Вика, забираясь в салон. – Мы все умрем еще до того, как эти заболевания получат над нами власть. Саша, к тебе мои слова, разумеется, не относятся.

Родька, неожиданно насторожившийся, сразу после ее слов трижды плюнул через левое плечо, крутанулся на месте и напоследок дернул себя за правое ухо.

– Сказала же – от меня ему беды не будет, не бойся, – пристально глянула на него девушка. – Так что не переживай за своего хозяина, не надо.

– Хреновую вы тему подняли, – заявил я. – Особенно в разрезе того, что нам сейчас в дорогу отправляться. Относительно Черемисина – помню такого. И что с ним?

– С ним – ничего нового, – бодро заявил Нифонтов. – Он мертв. А вот жена его буквально вчера загремела в психиатрическую клинику. Диагноз Женьке неизвестен, но, догадываюсь, что в анамнезе наверняка фигурируют навязчивые галлюцинации и все такое прочее.

– Не исключено, – потер руки я. – Причем жена эта, надо полагать, лет на двадцать моложе супруга, то есть психика у нее ни разу не расшатана. Опять же, о большой любви, а также невозможности существования на белом свете без ушедшего навек за облака суженого, здесь речь наверняка не идет.

– С вероятностью до девяноста пяти процентов, – согласился со мной Нифонтов. – Ну что, наведемся завтра к безумной вдове, разузнаем подробности произошедшего?

– Можно и сегодня, – предложил я. – Чего тянуть?

– Э, нет, – отказался оперативник. – На сегодня у нас другие планы. Сегодня у нас выходной. Это ты принципиально безработный, а мы люди служивые, нам каждый воскресный час дорог безмерно. А вот завтра – запросто. Во второй половине дня, если ты не против.

– Как скажешь, – согласился я, понимая, что в данном случае придется принимать его правила игры. Психиатрическая клиника не районная поликлиника, куда кто хочет, тот и заходит. Это серьезное заведение, по сути – режимное. И даже если я попаду внутрь, мне с обезумевшей вдовой поговорить никто не даст, поскольку я ей никто. Был бы родственник – тогда да, а так – нет. Короче, в таких местах нужны либо знакомства, чаще всего подкрепленные денежным купюрами, либо ксива. – Во второй, так во второй.

– Так, может, вам лучше сразу к ним домой прокатиться? – предложила Вика из салона. – Не исключено, что ваш этот... Как его...

– Черемисин, – подсказал ей я.

– Именно. Так вот, может он в своем доме сидит и радуется грянувшей недееспособности бывшей жены. Собственно, как с предыдущим духом случилось. Да, по сути, они все у вас как на подбор, кроме, пожалуй, идейного вдохновителя. Я бы на вашем месте не ждала у моря погоды и просто прокатилась по местам их прижизненного обитания. Уверена, минимум половину вы там и найдете.

Надо же, она, оказывается, в курсе происходящего. Не ожидал! А особенно приятно то, что мысли наши с ней совпали. Я как раз что-то подобное и собирался проверить, правда без Нифонтова. Мне подобная мысль еще в доме Хвощова пришла. Просто я оплошать не хочу. Раньше да, раньше кавалерийский наскок предпочитал, а сейчас понял всю мудрость русской народной поговорки «поспешишь – людей насмешишь». А в моем случае не только людей.

– Можно и так поступить, – согласился с ней Николай, скользя пальцем по экрану смартфона. – Вот только в данном случае ехать некуда. Продала бывшая жена совместно нажитую недвижимость, а именно коттедж в элитном поселке по Рижке, причем еще зимой. Надо думать, сразу же после того, как вступила в права наследования. И остальное все тоже распродала. Так сказать, с глаз долой, из сердца вон.

– В чем-то ее понимаю, – подумав, заметила Вика. – Только тогда логики в происходящем нет совершенно. С чего тогда бывший за нее именно теперь принялся, а не раньше? Он что, специально ждал того момента, когда вы, мальчики, заинтересуетесь его персоной? Вроде как: «Ну наконец-то! Ведь вы же меня искали? Так вот он я!»

– Завтра все подробности узнаем, – заверил ее Николай. – Уверен, какое-то обоснование есть. Не может его не быть.

– Слушайте, вы задрали! – недовольно гаркнул Михеев. – Внутри это все тоже можно обсуждать!

– И правда. – Нифонтов убрал в карман извлеченную из него было пачку сигарет и полез в микроавтобус, приговаривая: – Курить – здоровью вредить.

Я захлопнул калитку, помахал рукой Антипу и последовал за ним.

– Саш, ты не против, если я к тебе летом еще пару раз в гости нагряну? – спросил у меня Нифонтов, когда микроавтобус тронулся с места и мы проехали мимо дома Дарьи Семеновны. – Конкретнее – когда грибы пойдут? Люблю, знаешь ли, грибы собирать.

– Да пожалуйста, – разрешил я. – Какой разговор? Мы же друзья! Приезжай, живи хоть все лето. Кстати, ко всем относится.

Значит, до чего-то он с моей соседкой все же договорился. Нашли они какие-то точки соприкосновения, нашли. И, если честно, я этому очень рад. Если отдел выступит на ее стороне, пусть даже и в лице всего одного сотрудника, положение Марфы, которая гоняется за книгой Рогнеды, станет более зыбким, что мне определенно на пользу. Пока не знаю точно, как именно, но были бы кости, а мясо нарастет.

Впрочем, я в их расклады без какой-то чрезвычайной надобности точно не полез. Во-первых, у меня своих забот полон рот, во-вторых, не стоит забывать о том, что я ведьмак. Да, между нами и ведьмами с давних пор заключено некое подобие вечного мира, но трактует его каждый из нас по-своему и исходя исключительно из текущей ситуации. В противостоянии Марфы и Дары, если в него сунуться, мне непременно придется занимать чью-то сторону, без этого никак не обойдется. И следовательно, с кем-то из них отношения будут испорчены раз и навсегда. Добро еще, если со стороной проигравшей. А если нет? Если с победителем?

Вопрос: мне оно надо? Я только-только вернулся домой, и хочется верить, что на этот раз надолго. Так что пусть грызутся друг с другом, а я постою в сторонке и посмотрю на это все в качестве наблюдателя.

Дзин-нь! Не подвела Дара, прислала объемное сообщение с рецептом отвара. И не лень же ей было его печатать? Кстати, рецепт несложный, никаких особо редких ингредиентов в себе не содержащий. Большую часть вообще в любой аптеке купить можно. Что там? Ромашка, чабрец, болотный багульник и так

далее.

А еще в сообщении имелась любопытная приписка.

«Имей в виду, мандрагыр – корень непростой, его свойства можно и в другую сторону развернуть. Если добавить ко всему перечисленному пять мер корня омежника, два десятка ягод переступня и две меры истертых цветов бруслины, то человек после краткого, на день-два, притока сил и бодрости из жизни тяжело уходить станет, с муками и страданиями, при этом неусыпно в сознании и здоровом уме пребывая. Ни одно лекарство его боли не притупит и в сон не погрузит. И что важно, яда после ни одна экспертиза в его анализах не обнаружит. Нельзя найти то, чего нет».

Любопытно. Надо запомнить, может, и эта информация мне пригодится. Не знаю, правда, когда и зачем, но мало ли? Жизнь исключительно разнообразна. Да и номер соседки-ведьмы надо в памяти смартфона сохранить. Пусть все же будет.

А можно и в книгу записать. Ну да, рецепт ведьминский, но хуже он от этого не стал же?

Нам повезло, мы проскочили Минское шоссе еще до того, как на нем начали собираться традиционные воскресно-летние пробки.

– Еще раз спасибо за гостеприимство, – подъехав к моему подъезду, сказал с переднего сиденья Михеев. – Хорошо выходные провел. Душевно. Правда, на рыбалку не сходил, но это не беда.

– Зато я на реке побывала, – очень серьезно глянула мне прямо в глаза Вика. – Хорошая река, спокойная. Главное, пока туда да обратно идешь, многое понять успеваешь. И даже для себя кое-что решить.

– Как же я не люблю все вот эти многозначительные фразы, – поморщился Николай. – Нет чтобы просто выйти из машины и по душам друг с другом поговорить. Какое там! Надо наводить тень на плетень в этот чудный солнечный день. О! Экспромт в стихах получился!

– Мы поговорим, – пообещала ему Виктория. – Но не сегодня. Потом. Сегодня еще не время.

– Ну, тогда пойду, – сказал я, открывая дверь. – Был рад видеть вас в гостях, и спасибо, что довезли до дома.

«Не сейчас». «Потом». «Не время». Блин, вот же она путаная, это ужас какой-то. И как же это бесит, если честно!

Вот плюну на все и пойду другим путем, тем более что у меня даже сейчас есть куда более выигрышные варианты обустройства личной жизни. Нет-нет, никто не говорит о браке, подобная роскошь не для меня, но не одному же мне век вековать, верно? Вон, к примеру, можно заморочиться невероятно и спасти сестрицу Ряжской от смерти, попутно сойдясь с ней поближе. А что? Бэлла девушка красивая, неглупая, духовно одаренная и при такой родне наверняка еще и небедная. Хотя последнее для меня не столь принципиально. Да, я не образец нравственности, и мое падение с общечеловеческих моральных высот уже свершилось, но непосредственно альфонсизма за мной сроду не водилось. И, надеюсь, в будущем до такого я тоже не докачусь.

А уж Ольга Михайловна-то как обрадуется такому альянсу! А муженек ее!

– Привет! – помахала мне рукой Жанна, сидевшая на скамейке рядом с Анатолием. – А мы тебя только к вечеру ждали. Или даже завтра.

Ее я не стал брать с собой в Лозовку из, если можно так сказать, политических соображений. Просто она даже без моей просьбы, по собственному почину, наверняка стала бы подслушивать то, о чем говорят оперативники, и могла на этом запалиться. Ладно бы приехали только Нифонтов с Михеевым, они бы, может, и не заметили незваную гостью, но там же и Вика присутствовала. Причем я на самом деле был бы тут ни при чем, но поди объясни моим гостям, что натура у моей немертвой спутницы такая. Между нами и так доверие весьма и весьма относительное, а тут еще такое.

Нет-нет, этические соображения вроде «ах, они обо мне плохо подумают» меня совершенно не беспокоят, да и друзья мы только на словах. Но нам еще работать бок о бок, так что без нужды ситуацию обострять не стоит. По крайней мере, пока.

– Ну, извините, – развел я руки в стороны. – Вот быстрее управился.

– Тебя кто-то расстроил? – уточнила глазастая Жанна. – Да?

– Если надо, шеф, так только скажите, – поднялся с лавочки бывший таксист. – Я, конечно, сейчас не то, что раньше, но мне тут Жанка порассказала всякого разного про новое житье-бытье, можно кое-чего из этого попробовать проверить.

– Пока не надо, – отказался я. – Опять же, мои проблемы – это мои проблемы. А если ты понадобишься, то я скажу. В гости ко мне никто не заглядывал?

– Девчонка приезжала, – тут же отозвался Анатолий. – Вчера вечером.

– Девчонка? – озадачился я. – Новое дело. Только детей мне в качестве гостей еще и не хватало.

Может, Мара решила навеститься, за «поп-ит» поблагодарить? Или до кучи к нему попросить, чтобы я ее в «Тик-Токе» зарегистрировал? Но почему так, через подъезд?

– Почему детей? – удивился таксист. – Ей лет двадцать или около того. Но они все для меня девчонки, я так уж привык. Симпатичная такая, глазастая, светленькая.

– А! – рассмеялся я, догадавшись, похоже, о ком речь идет. – И ямочки на щеках, да?

– Ну, так-то я ее не разглядывал, – отчего-то смутился Анатолий. – Но вроде да, были ямочки.

– Понятно. Черт, начинаю ощущать себя альфа-самцом. Сколько женщин разных возрастов – и все вокруг меня вертятся. Прямо приятно.

– Еще бы они все к тебе хоть какие-то чувства испытывали, было бы совсем замечательно, – не без язвительности заметила Жанна. – А так... Хотя бы

Жозефину вспомни! Одни неприятности из-за нее всегда случались.

– Неправда, Жози в общении со мной тоже руководствовалась чувствами, – заступился я за свою французскую приятельницу. – Например, алчностью. Еще хитрость присутствовала.

– Жаль, я ее удавить тогда не могла, – свирепо заявила Жанна. – А то бы с радостью!

В этот миг ее прозрачная фигура на миг словно облаком окуталась, причем состояло оно из миллиона миниатюрных иголок. Ого. Это что-то новенькое. И непонятно пока, к добру подобное явление возникло или нет.

– А мне та деваха понравилась, – заявил вдруг Анатолий. – Ну, что приходила. Симпотная.

– Ведьма она, приятель, – вздохнул я. – Самая что ни на есть настоящая. И потому ничего хорошего от ее визитов лично мне ждать не приходится. Мои сородичи с ее племенем с давних пор вооруженный нейтралитет поддерживают. Кстати, о сородичах!

Я достал смартфон, нашел нужный номер и нажал зеленый кружок вызова.

– Олег! Привет. Узнал?

– Нет, – чуть настороженно отозвался мой старый приятель.

– Вот и спасай тебе жизнь, – хохотнул я. – Вытаскивай из старой бойлерной, где воды нет, зато печи огнем так и пыхают!

– Смолин?! – гаркнул Олег в трубку так, что у меня чуть барабанная перепонка не разорвалась. – Ты откуда взялся?

– Конкретно сейчас или вообще?

– Вообще мы все из мам вылезли, я про сейчас. Ты где, в Москве? Или все еще за границей?

– Уже в столице, – успокаивающе произнес я. – Вернулся. Слушай, мне бы проставиться за прибытие да вас всех, чертей полосатых, повидать.

– Ты так больше не говори, – неожиданно серьезно попросил меня Муромцев. – Ну, относительно рогатых. Не надо. Мы с ними не в родстве, потому добра от такого сравнения не жди. А собраться – я только за. Хоть нынче!

– Нынче вряд ли, – засомневался я. – Ребята ведь кто где небось, их оповестить надо заранее. У Слав наверняка посевная, да и Димон за городом живет вроде.

– Ну да, ну да, – подтвердил Олег. – Твоя правда.

– Слушай, не сочти за труд, обзвони часть парней, а? – попросил я его. – Просто у меня не все телефоны есть. Славам, Гере и Дэну я наберу, а остальные тогда на тебе.

– Дэну не звони, – посоветовал мне Муромцев. – Нет его в стране. Он еще по зиме в Египет умотал, с тамошними змееловами по пустыне сейчас бродит, опыт перенимает. И даже на Большой Сбор не приедет. Да, насчет Сбора! Ох как Демид с Макарычем буянили на прошлом Сборе, как тебя крыли! Мол, не успел в Круг войти, как уже на его основы плюет. Дескать, кто ему важнее – Европы там или мы тут? Короче, частили тебя по-всякому. А как по мне – ты в своем праве. И всем нам через две недели у дуба надо будет им так и заявить...

– Заявим, – подавив смешок, остановил разошедшегося собрата я. – Все, вместе и дружно. Но для начала давай встретимся. Предлагаю в среду, часиков в пять, в том же кабаке, где мы два года назад сидели. Помнишь?

– Это который на набережной Яузы? – переспросил мой собеседник. – Конечно помню. Все, договорились.

– Я тогда столик в нем забронирую на свое имя. Но тебя накануне встречи все же наберу, хорошо? Ну, чтобы узнать, кто будет, кто нет.

– Договорились. Слушай, как же я рад, что ты вернулся! Теперь-то мы наших нафталиновых дедов точно ушатаем!

– Сам доволен, – без тени иронии ответил я. – В гостях хорошо, а дома лучше.

– Вот и пошли домой, – гукнул из рюкзака Родька. – Чай, по телефону и оттуда поговорить можно!

Нет, некоторые люди и правда не меняются. Как был Олег псевдобунтарем, так, похоже, до конца времен им и останется. Хотя у нас таких горе-смутьянов полстраны, если не больше. Они всегда всем недовольны, но только негромко и исключительно среди своих. От греха, чтобы чего не вышло. А как по мне, чем так бунтовать, то лучше уж никак не бунтовать. Над тобой хоть смеяться не станут, как, к примеру, над тем же Муромцевым.

Дома, пока Родька гремел на кухне сковородками и, ворча, исследовал морозное чрево холодильника, я включил компьютер и закачал в него файл под названием «Данные по запросу вх. № 873», тот самый, который получил от Рязской.

Между прочим, надула она меня с ним капитально. И если вспомнить сообщение, файл сопровождавшее и гласившее: «Надеюсь, я тебя порадовала. Порадуй и ты меня», скажу так: за подобную информацию ее особо радовать не стоит. Максимум можно в не слишком пафосный парк сводить, там воздушный шарик купить и, может, сахарную вату. Или даже без нее обойтись. Просто на большее полученная справка не тянула. Если бы я посидел в Сети часика три-четыре, приблизительно такой же объем сам мог насобирать. Ни информации по теневым сделкам, которые наверняка каждым из покойников проводились, ни списка потенциальных недоброжелателей, ни грязного бельишка из личной жизни, которая наверняка у них была ключом, – ни-че-го. Тупо список родных и близких плюс опись недвижимости. Ну и всякие мелочи вроде адресов офисов и так далее. Короче, на тебе, убоже, что нам негоже.

Хотел я набрать Рязской еще из электрички, везшей меня в Лозовку, чтобы высказать все, что на душе имелось, но подумал маленько – и не стал. Зачем спешить? Нет, торопиться на надо. Приберегу эту карту на потом и пущу в ход тогда, когда подходящий момент наступит. А его долго ждать не придется, наверняка Ольга свет Михайловна в своем ежедневнике целое расписание по моей особе оформила. Вот поспорить могу, что все так и обстоит.

И то странно, что она за эти дни ни разу не позвонила. Паузу выдерживает, что ли?

Я как в воду глядел. Звонок от Ряжской раздался уже совсем вечером, когда мы с Родькой, Вавилой Силычем и Жанной смотрели по телевизору старых добрых «Пиратов Карибского моря». Вернее, это они смотрели, а я так, тихонько подремывал под свист ветра, хлопанье парусов на фок-мачте и пушечную канонаду, без которых, по мнению создателей этого фильма, пиратская жизнь в Карибском море положительно невозможна.

– Надеюсь, не разбудила? – ласково осведомилась у меня бизнес-леди. – Ты извини, просто раньше никак не получалось позвонить.

– Так и не звонили бы, – резонно ответил я, добавив в голос сонливости чуть больше, чем в нем на самом деле было. – Или что-то срочное?

– Срочное, Саша, – печально произнесла Ряжская. – Срочное. Без тебя, боюсь, никак не обойтись.

– Но два года как-то обходились? – я зевнул. – И ничего, никто не умер.

– Если бы ты только мог представить, насколько ты неправ, – вздохнула моя собеседница. – Скольким хорошим и добрым людям ты мог помочь, если бы не мотался невесть где столько времени.

– Думаю, кое-какие слова в вашей фразе надо поменять.

– Какие именно?

– «Хороших и добрых» следует заменить на «полезных и влиятельных». Или я не прав?

– Даже если и так, что такого? И потом, одно не отменяет другого. Разве влиятельный человек не может быть хорошим?

– Может, – согласился я. – Почему нет? Да все мы хорошие, особенно когда спим зубами к стенке.

– Рада, что мы с тобой понимаем друг друга. Ведь понимаем же, да?

– Нет, не понимаем. Я раз за разом вам пытаюсь объяснить, что роль придворного лекаря при семействе Ряжских мне не нужна, а вы упорно пытаетесь меня на нее оформить. Иногда мне кажется, что проще вас убить, чем вбить в голову то, что у нас разные взгляды на жизнь и смерть.

Замолчала. Как видно, задумалась над словом «убить», прикидывала – это я шучу или нет?

– И ведь заметим, я было даже чуть поддался на ваши уговоры. Почему? Потому что мне показалось, что, возможно, мы сможем кое-какие партнерские дела вести. Более того, я проникся этим потенциальным сотрудничеством, встретился с вашим супругом, человеком, признаюсь, не очень приятным, и даже простил ему то, что он ко встрече со мной подготовился не самым миролюбивым образом. Подобное, чтобы вы знали, вообще мало кто из моих коллег по цеху с рук спустит. А я глаза закрыл. Это ли не свидетельство моего к вам огромного расположения? Что там, я даже посетил с вами клинику Вагнера и помог вашей сестре. Кстати, как она?

– Значительно лучше, – чуть севшим голосом сообщила мне женщина. – Про тебя вспоминает часто, спрашивала меня, не заглянешь ли ты к ней еще раз.

– Вот! – укоризненно произнес я. – Но что же я получил от вас в ответ? Буквально плевков в лицо. Нет, дорогая моя Ольга Михайловна, так не пойдет. Знаете, у меня есть понимание о том, что такое самоуважение. И говорю я с вами сейчас лишь потому, что меня мама с папой в детстве хорошо воспитали, привив почтение к людям старшего возраста.

– Это уже перебор, – возмутилась Ряжская. – Не настолько я и старше тебя!

Мне очень хотелось сказать «насколько», но это было бы уже откровенное хамство, которое не слишком укладывалось в ту канву разговора, которую я для себя определил.

– Объясни по-человечески, что опять не так? – потребовала у меня женщина. – Без этих твоих метафор!

– Вы файл, что мне переслали, сами открывали? – осведомился я у нее. – Смотрели, что внутри?

– Нет. Мне его отправил начальник службы безопасности, а ему я доверяю, он профессионал.

– Лентяй он, а не профессионал. Или, что вероятнее, дилетант, рядящийся под специалиста. Алеша – тот был профи, а этот черт знает что и сбоку бантик! Полагаю, вы с мужем еще живы лишь потому, что по нынешним временам стрелять и взрывать богатых людей практически перестали. Если бы не эти социальные перемены, то я бы сейчас спокойно спал, а вы в аду горели.

– Саша, ты не перегибай палку, – снова попросила меня Ряжская.

– Ольга Михайловна, мы взрослые люди, и оба понимаем, что для таких, как вы и ваш супруг, дорога в рай закрыта накрепко. Слишком много всего недоброго на вас висит. Давайте честно: ведь хватает в вашем прошлом такого, о чем до сих пор не то что говорить, но и думать не рекомендуется? Молчите? Ну вот. Впрочем, если вас это успокоит, то у нас есть хорошая возможность там встретиться. Вряд ли и мне светит что-то другое.

– А он есть? – помолчав, спросила моя собеседница. – Рай?

– Без понятия, – ни капли не соврав, ответил ей я. – Да и никто вам правду не скажет, потому что ее никто не знает. Придет ваш час – все само собой разъяснится. И мой вам добрый совет: не приближайте его столь интенсивно. Я, так и быть, по старой дружбе в последний-распоследний раз сделаю вид, что не сильно меня ваш обман задел, но есть же и другие люди, которые могут подобного кидка не простить. Я сказал, что взрывать и стрелять практически перестали. Но «практически» не значит «совсем».

– По-прежнему не понимаю, о чем ты ведешь речь, но разберусь, – тоном, который начальнику ее службы безопасности ничего хорошего не сулил, пообещала Ряжская. – Обещаю.

– Мне обязательно сейчас говорить что-то вроде «я вам верю»? – лениво осведомился я. – Может, обойдемся без ненужных формальностей? Да и вообще... А что до Бэллы – я к ней обязательно загляну. Обещаю. Причем не для того, чтобы вам, Ольга Михайловна, услугу оказать, а просто потому, что ваша сестра мне понравилась. Мало сейчас на свете настоящих людей осталось.

Может, она вообще одна из последних. Я, конечно, не образец добродетели, но какие-то вещи иногда и просто так готов делать, по велению души.

– За сестру – спасибо. Для нее правда твой визит очень важен, – совсем уж посмурнел голос Ряжской. – Что до наших вопросов – да, признаю свой недосмотр. Я должна была проверить документы, которые тебе отправляла, но этого не сделала. И все, Саша, не жди от меня большего. Можешь считать меня зажавшейся сукой, но многословно и подолгу извиняться перед кем-то я отвыкла. Да и пустое это. Дело сделано, чего теперь словами сорить?

– А зря, – назидательно произнес я. – Смирение есть добродетель. И сразу – я завтра с утра собираюсь навеститься в банк. Надо карты новые сделать, то-се... Да и коллег бывших повидать хочется. Ну, если кто-то из них там еще работает, разумеется. Может, уже давно все поувольнялись. Так вот, буду я там часам к одиннадцати, и если у вас есть желание повидаться – подъезжайте. Тогда и продолжим беседу о добродетелях, извинениях и всем таком прочем. А пока доброй ночи вам, Ольга Михайловна. Доброй, спокойной, мирной ночи.

Ласково проворковав последнюю фразу, я нажал на «отбой» и глянул на разношерстную компанию, сидевшую на полу, дувшую квас, хрустевшую сушками и тарасившуюся в экран, на котором лихо бегал по кучам золота, укрытым в пещере, Джек Воробей. Ах, извините! Капитан Джек Воробей.

– Жанна, душа моя, как досмотришь фильм, давай-ка дуй к Ряжским и пугани их там как следует, – обратился я к призраку, который расположился между моим слугой и подъездным. – Пошуми в доме хорошенько. Стулья подвигай, картинами о стены погрохай, можешь даже какую-нибудь вазу разбить о пол.

– Александр, нехорошо! – повернувшись ко мне, укоризненно произнес Вавила Силыч. – Пугануть – туда-сюда, но имущество-то зачем портить?

– Поправка принимается, – согласился я. – Просто пошуми. И главное, как они всполошатся, бегать начнут и свет везде включать – затаись, не шали. А как угомонятся – начинай по новой. И так всю ночь, до рассвета.

– А вторая часть? – возмутился Родька, потыкав перепачканной крошками лапой в сторону экрана. – Там продолжение есть! С ним как? Надо же понять, сладится любовь у этих ребят или нет?

– Завтра узнаешь, – осек его я. – А пока эту досматривайте – и расход. Время позднее, спать пора. И еще вот что. Вавила Силыч, ты не добудешь мне телефон нашего интернет-провайдера? Надо наконец к сети подключиться, а то живу как на необитаемом острове.

– Давно пора, – подтвердил мой слуга. – Скучно без интернета.

– И этого орла давай к работе какой-нибудь приставь, причем потруднее, – подумав, добавил я. – Пока он внешне мохнатый мяч не начал напоминать. Вот квартиру он мне завтра отдраит до блеска – и забирай его.

– Я ведьмачий помощник, а не домовик! – буркнул Родион. – Моя стезя – другая. Я тебе служу, а не всем, кому можно.

– Ты еще плакат в защиту своих прав напиши и вокруг дома с ним ходи одиночным пикетом, – посоветовал ему я. – Авось результат воспоследует. А до тех пор, пока я тебе хозяин, ты будешь делать то, что мной велено, ясно? Или уматывай отсюда в Лозовку, сиди там в погребе, грызи морковку, копи обиды.

Жанна и Вавила Силыч после этих слов переглянулись и дружно зааплодировали, Родька же ошарашенно похлопал глазами, пошерудил коготком в ухе, словно не веря тому, что только что услышал, а после согласно кивнул мохнатой головой, давая мне понять, что все будет так, как я сказал. В смысле трудовой повинности, разумеется.

Жанна заявилась домой из своей ночной вылазки тогда, когда солнце стояло высоко в небе, а я собирался вызывать такси.

– Замечательно развлеклась, – сообщила она мне, устало опускаясь в кресло и вытягивая ноги. – Роденька, маленький мой! Да ты никак за работу взялся? А я думала, что ты только жрать и дрыхнуть горазд! Нет, положительно сегодня снег пойдет!

– Жаль, ты бесплотная, – проворчал слуга, сноровисто трущий тряпкой плинтусы в комнате. – А то кинул бы в тебя чем-нибудь тяжелым!

– Ну что, нагнала на наших друзей страху? – уточнил я, натягивая футболку. – Они хоть пару часов поспать смогли?

– Не-а, – расхохоталась Жанна. – Ни они, ни слуги, ни охрана до рассвета толком глаз не сомкнули. У них дом большой, в каждую комнату человека не поставишь. Ох как же они дергались! А как эта молодящаяся бабулька на начальника охраны орала, который в два ночи приехал! И все из-за тебя, между прочим. «Ты не понимаешь, с кем меня чуть не поссорил, ты не знаешь, что это за человек, и человек ли он вообще». Но умная, не отнять. В какой-то момент она в столовой, ну, где ты тогда ее супруга легонько нагнул, встала, руки вверх задрала и говорит: «Передай ему, что я все исправлю! Не надо больше, очень тебя прошу! У моего мужа слабое сердце».

– Но тебя это не остановило, – усмехнулся я.

– На полчаса затихла, – хихикнул призрак. – Чтобы они заснуть смогли. А потом поднос по лестнице третьего этажа запустила и на нем проехала. Ох, грохоту было – ужас! Но до чего весело!

– Не сомневаюсь, – рассмеялся и я, представив себе эту картину. – Молодец. Отдыхай, заслужила.

– Не, я с тобой, – вскочила на ноги Жанна. – Хочу досмотреть представление до конца.

– Не вопрос, – кивнул я. – Ты же знаешь, я без тебя как без рук.

– А без меня? – ревниво подал голос от стены Родька. – Без меня как без чего?

– Без тебя, муфта ты ходячая, мы скоро без денег и без еды сидеть станем, – бойко опередила меня Жанна. – Потому что все они на тебя уходят. Так что три усерднее, отрабатывай хозяйский хлеб.

– Когда ж тебя за Кромку уже заберут, заразу такую! – фыркнул слуга, снова берясь за тряпку. – Прямо как заноза в лапе – и жжется, и не вытащишь никак. Тьфу!

– Саш, – Жанна чуть понизила голос и придвинулась ко мне поближе. – Так-то все прошло здорово, но одна штука меня теперь беспокоит.

– Какая?

– Начальник охраны здорово на тебя разозлился. Не такой он, похоже, и дурак, как ты вчера его описывал. А еще амбиций у него через край, это сразу видно. Он очень здорово на тебя разозлился за то, что такую головомойку хозяйка ему устроила, да еще и при подчиненных. Я его лицо видела. Это страшно. Саш, ты его берегись, ладно?

– Поживем – увидим, – подмигнул ей я и, чтобы снять возникшее на миг недоброе напряжение, коряво пошутил: – Ладно, как поедем? На «Комфорт»? Или шиканем и выберем «Комфорт Плюс»?

Глава четвертая

Врать не стану, на душе у меня чутка потеплело, когда я вошел в здание банка. Ностальгия есть ностальгия, от нее русскому человеку никуда не деться. Тебе может быть сколько угодно в настоящее время плохо там, где ты работаешь, но когда через год или пять ты вернешься туда в качестве посетителя или гостя, то сразу начнет казаться, что именно те годы, которые ты провел в этом месте, и были самыми лучшими в твоей жизни.

Тем более что мне конкретно в этом банке жилось весьма и весьма неплохо. Да, деньги платили не самые большие, и безопасник Силуянов меня периодически донимал, но все это так, мелочи. Зато коллектив был хоть куда, потому иногда мы чудили настолько славно, что небесам становилось жарко.

Вот только, похоже, от тех людей, с которыми я когда-то не один литр напитков разной степени крепости вылакал, никого здесь не осталось. За депозитарной стойкой, там, где обычно располагался хмурый в любое время суток Витька Гусаров, теперь сидел совершенно незнакомый мне молодой человек. Пройдясь по операционному залу, я понял, что и среди операционисток ни одного знакомого лица я тоже не вижу.

Эк их всех за два года размотало-то! Я все понимаю, но, чтобы совсем состав сотрудников сменился полностью, это, знаете ли, сильно.

Хотя... Может, просто Ряжские сюда вместо Волконского какого-то своего варяга на место председателя правления определили? Ну а он, как это в банковской среде водится, притащил с собой свою команду основных функционеров, от зама до начальника операционного. Те же, понятное дело, мигом сменили низовой персонал до операционистов включительно.

Тогда, выходит, зря я сюда приехал. Проще было бы пойти в «ПСБ», что рядом с домом находится, и там себе новый счет открыть.

– Сашка, ты? – раздался у меня за спиной женский удивленный голос. – Смолин?

– Юрча! – глубоко вздохнул я, поворачиваясь. – Ну, хоть кто-то! Привет, душа моя!

И точно, это оказалась Наташка Юрченкова, к которой, чего скрывать, я одно время было неровно дышал. Но она, увы, пребывала в статусе счастливой замужней дамы, потому все мои коварные планы завоевания ее внимания были изначально обречены на провал.

– Вот уж неожиданность! – всплеснула руками она. – А ведь у нас кто что на твой счет говорил после того, как ты уволился. Даже то, что ты умер, представляешь? Многие верили.

– Однако! – впечатлился я.

– Антошкина из кредитного постаралась, – пояснила Юрченкова. – Помнишь такую? Ну, она еще на новогоднем корпоративе самбукой нарезалась до синих соплей и тем же вечером налысо побрилась.

– А, это когда Пашка сказал, что с ее новой прической она похожа на маленького грустного гнома? Помню. Она потом до лета в парике еще ходила.

– Ну да, – хихикнула моя бывшая коллега. – Лучше бы лысой ходила, чем в этом парике. В нем она уже не на гнома была похожа, а на бульдожку. Так вот,

Антошкина еще тогда, два года назад, тебя в какой-то нереально дорогой клинике видела, той, где только безнадежные больные лежат. У нее там то ли тетя богу душу отдавала, то ли еще кто-то. Ну и решила, что ты, значит, квартиру продал и теперь пытаешься выжить любыми способами.

– Нет слов, – ошарашенно признался я.

– Мы потом тебе пытались дозвониться, но ты всю дорогу был недоступен, – потупилась Наташка. – Потому некоторые и решили, что Антошкина права. А Федотова даже рассказывала, что как-то раз видела твой призрак там, внизу, где хранилище. Мол, ты очень грустно ей улыбнулся и рукой помахал, словно прощался.

Жанна, стоявшая рядом со мной, не удержавшись, расхохоталась.

– Все в порядке, – успокоил я зашмыгавшую носом Наташку. – Я, как ты видишь, не призрак, а настоящий. А Федотова небось перед той встречей не меньше пузыря «мартишки» нахлобучила.

Вот верю. И в разные слухи, и в то, что звонили. Обычное дело. И в то, что, не дозвонившись, выпили за упокой моей души, а следом за тем сразу же меня забыли, тоже верю, потому что знаю, что именно так все и было. Это не хорошо, не плохо, просто так устроен офисный мир в любой компании любой страны. Мы реальны для других людей, пока мы работаем бок о бок, исчезнув же с горизонта, мы словно перестаем существовать. Живые, мертвые – непринципиально. Нас нет для них, а их, что скрывать, почти нет для нас. Жизнь несется вперед слишком быстро, и у нас нет возможности тащить за собой вагоны с людьми из прошлого.

– Что да, то да, – поспешно произнесла Юрченкова, чуть покраснев. – За ней не заржавеет.

– А где народ? – я обвел рукой операционный зал. – Где Меркулова, Сашка Вязьмина, Ольга Ченкина? Витод где? Неужели все уволились?

– Кто уволился, кого уволили, – чуть понизила голос Наталья. – Витод сам ушел, ему место в «Райффайзене» предложили, с повышением. Сашка с новым зампредом сцепилась, ее после этого в Электроугли перевели, она туда не

захотела переходить и уволилась. Меркулова замуж вышла, теперь дома сидит, на шее у мужа. Как, кстати, и Денисенкова, та, правда, по декретному поводу.

– Да ладно! – обрадовался я. – Размножилась Ленка? Вот молодец!

– А приятель твой, Пашка Винокуров, вообще номер отколол, – ехидно прищурилась Юрченкова. – Свалил в другой банк и большую часть наших денежных клиентов с собой увел. Причем «вчерную». Такой скандал был после этого, ты не представляешь.

Опять же, верю. Пашка хоть и не «привлеченцем» трудился, но по роду своей службы руку на клиентском пульсе банка держал плотно, потому личные контакты с наиболее влиятельными клиентами поддерживал неукоснительно. Само собой, свалив в другой банк, он сделал все, чтобы перетащить их туда и тем самым доказать новым работодателям свою несомненную полезность как сотрудника. Зря только он это сделал «по-черному», то есть с быстрым выводом всех активов из этого банка. Умные люди проворачивают такие вещи «по-белому», то есть постепенно и относительно незаметно. Но Пашка, как видно, решил рубануть сплеча.

– Почему, представляю. При мне тоже такое разок случилось, помню.

– Говорят, что Винокурову через месяц после этого здорово наподдали вечером в подъезде, – почти шепотом сообщила мне Наташка. – И даже ноги переломали. Может, врут.

– А может, и нет, – в тон ей ответил я. – Никому не понравится, когда остатки кредитной организации резко падают, особенно по вине бывшего сотрудника. И ЦБ небось потом запросами замучило, мол, почему да отчего.

– Небось, – покивала моя приятельница. – А Силуянова помнишь?

– Еще бы, – фыркнул я. – Сколько он крови у меня попил!

– Повесился, – чуть выпучив глаза, наклонилась ко мне Юрченкова. – Вот это точно не слухи, я сама проводку о перечислении о материальной помощи его жене делала. Ужас, да?

Ну, не то чтобы прямо ужас-ужас... Хотя неприятно, разумеется, поскольку, по-хорошему, отчасти эту смерть я могу на свой личный счет записать, в компанию к неграм-вудуистам, одному слишком шустрому, любознательному и жадному французу, а также еще паре человек, оказавшихся в ненужном месте в ненужное время. Бывший безопасник чуть умом тронулся после свидания с Марой, которое я устроил, так что косвенно, как ни крути, есть в случившемся моя вина. Но только очень косвенно, поскольку первопричиной данной встречи все же являлся сам Силуянов и более никто другой. Ему говорили – отстань. Его об этом предупреждали всяко. Но нет, не захотел человек прислушиваться к советам, напротив, кулаками махал, слова нехорошие говорил. И вот логичный результат – петля и невеселое посмертие.

Так что ни переживать, ни тем более как-то рефлексировать по этому поводу лично я не собираюсь. Умер Максим, да и хрен с ним.

– Ну да, – почесал затылок я. – Царствие ему небесное. Хотя, скажем прямо, не самый приятный в общении был человек.

– Са-а-аш! – укоризненно протянула Юрченкова. – О мертвых либо хорошо, либо ничего.

– Тогда ничего, – согласился я. – А что Наташка Федотова? Она тоже уже того? Ну, в смысле уволилась?

– Наташка здесь, работает. Если хочешь, могу позвать.

– Позови, – оживился я. – Конечно хочу!

– Только ты сначала расскажи – где ты? Что ты? В банке работаешь или нет? И если в банке, то нет ли там нормальных вакансий? Если честно, задолбалась я тут сидеть в старших операционистах. И главное, перспектив ноль!

– Не-не-не, – выставил перед собой ладони я. – Не в банке! И не стремлюсь. Хватит с меня уже. Я так, по консультационной части тружусь. Причем последние два года даже не в России.

– Ты? – недоверчиво глянула на меня Юрченкова. – Без обид, но ты кого и в чем консультируешь? Не помню я у тебя особых талантов.

– А они есть. Так чего, Федотову позовешь?

– Позову, позову, – Наташка вздохнула. – Хорошая тогда у нас все же компания была, Саш. И поговорить было с кем, и выпить. А то все новенькие... Они генно-модифицированные какие-то. Вроде как есть, но вроде как их и нет. Отработали день и сразу брызгами в сторону. У одних ЗОЖ, у других квизы, у третьих еще что-то. А еще они через одного веганы, представляешь? Едят такое, на что смотреть страшно. И главное, вроде в возрасте разница всего ничего, а все равно я себя рядом с ними старухой иногда ощущаю.

– Это да, – покивал я головой. – Глобализация наступает на традиционные забавы клерков средней руки, которые хоть иногда и приводили их в медицинские учреждения для лечения от разных нехороших привычек, но зато создавали основу для приятных воспоминаний разной степени тяжести. На наших глазах, Наташка, гибнет субкультура целого офисного поколения.

– Эк тебя прет! – с уважением произнесла Юрченкова. – Ладно, пошли, я Феде позвоню, сюда ее позову. Вот она обрадуется!

– Еще бы, – не без гордости подтвердил я. – Мы с ней все же тонну пиццы съели и цистерну мартини выпили.

– И не только, – с ехидцей улыбнулась Наташка, а Жанна, как видно ориентируясь на ее интонации, как-то так сразу подобралась и даже подалась вперед. – У нас еще тогда ходили слухи, что вы с ней... Ну, ты понимаешь?

– Враки, – качнул головой я. – Не было ничего. Сама подумай: мы же в одном кабинете сидели. Оно мне зачем? И потом, Денисенкова нас тогда сожрала бы обоих живьем. Не, я себе не враг.

– Логично, – подумав, согласилась Наташка. – Ленка бы не простила, выбери ты Наташку, а не ее. И даже если по пьяни у вас все завертелось бы. Как, кстати, и Федя завелась бы с пол-оборота, случись оно все наоборот. Ты сам им на фиг был не нужен, тут дело принципа.

– Про то и речь. – Я глянул на операционисток, которые то и дело поглядывали на нас. – Да, слушай, вот еще что. Мне бы счета свои проверить, а? Они наверняка не закрыты, там какая-то мелочушка болтается на остатках. Ну и еще карты перевыпустить надо.

– Не проблема, – отозвалась Наталья. – Вон к «восьмерке» подходи. Только иди талон в адской машине возьми. У нас теперь электронная очередь, то есть порядок, учет и контроль.

Я окинул взглядом пустой операционный зал и сказал:

– Ясное дело. Как без электронной очереди? Да никак. Сутолока, не ровен час, начнется, скандалы разные...

– Добрый день. Меня зовут Мария. – В отсеке под номером восемь я увидел хорошенькую и очень молоденькую кареглазую брюнетку в безукоризненно отглаженной фирменной одежде. – Чем я могу вам помочь?

– Мне нужно проверить состояние счетов и оформить заявку на получение пластиковых карт, – ответил я ей, протягивая паспорт.

– Разумеется. – Девушка считала данные моего документа и уставилась в экран. – Счета рабочие, никаких ограничений или приостановлений нет. Та-а-ак. Уважаемый Александр Дмитриевич, а не желаете ли вы рассмотреть возможность участия в премиум-программе, предлагаемой нашим банком...

– Смолин, а Смолин, – перебила кареглазку Юрченкова, обосновавшаяся за ее спиной и сейчас с интересом смотревшая в монитор. – Мелочушка, значит, у тебя на счету? Интересные у тебя нынче понятия о деньгах, интересные. Скажи, а ты вообще в какой именно области консультации людьми даешь?

– В разных. – Я уставился на нее, уже начав догадываться, с чего это Наташка такие вопросы начала задавать. – В основном по части долгой и счастливой жизни.

– Ну, что счастливой, это я вижу. По крайней мере, у тебя она точно такая. Слушай, а ты за консультации свои дорого берешь? И полагаются ли твоим

старым друзьям скидки? Просто я тоже хочу долго и счастливо жить.

– Мария, а какой у меня остаток на счете? – поинтересовался я у операционистки.

Та записала на бумажке число, состоящее из семи знаков, и пододвинула ее мне.

Не скажу, что чего-то подобного я ожидал, это будет неправдой. Но – приятно, что скрывать, хотя бы потому, что я снова перешел из состояния «вот уже виден порог бедности» в состояние «можно заниматься разной ерундой, не думая о завтрашнем дне».

– Скажите мне, прелестное дитя, а когда денежка на счет упала и от кого? – снова обратился я к Марии.

– Сегодня, – бойко ответила та, а после произнесла: – Ой!

– Смолин, ты удивляешь меня все сильнее, – заметила Юрченкова, глянув на монитор. – Или начинаешь пугать?

Значит, моя догадка верна. Впрочем, не так было и много вариантов, если честно. Я, кроме как от Ряжской, денег ни от кого не жду.

– Александр Дмитриевич, так относительно премиум-программы... – затараторила было Мария, как видно сделав в своей хорошенькой голове какие-то выводы относительно моей персоны, но Наталья снова прервала ее речи:

– Какой премиум? На статус его глянь.

– Ну да, – согласилась ее подчиненная. – А еще вам карты уже заказаны по ускоренной форме. Вечером уже будут готовы, можно приехать и их получить.

– Или их тебе доставят на дом, что более вероятно, – добавила Юрченкова. – Саш, а тебе помощница не нужна, часом? Я просто знаю одну очень и очень умную особу, которая...

– Ты про Марию? – перебил ее я и показал рукой на операционистку, которая от скорости смены тем разговора потихоньку начала терять связь с реальностью. Права Наташка, слабовато новое поколение в разрезе стрессоустойчивости. – Я не против. Видно, что девушка она смекалистая и покладистая. Опять же, симпатичная.

– Конечно про Марию, – ответила моя бывшая коллега и, рассмеявшись, сказала фразу, которая была нормой в нашем общем прошлом: – Терпеть тебя не могу, Смолин.

– Терпеть тебя не могу, Юрченкова, – в тон ей ответил я. – Слушай, вроде тебя зовут? Вон смотри, симпатная блондинка из третьего окошка рукой машет. Или нет?

– Ага, меня, – глянула в указанном направлении Наталья. – Жди. Вернусь, Федотову наберу.

Мария глянула вслед отошедшей от нее Юрченковой, а следом за тем уставилась на меня, как видно не очень понимая, что ей следует делать дальше и стоит ли всерьез воспринимать мои слова.

– Все в порядке, – произнес я. – Вы молодец, Мария. Если в этом банке все операционисты такие, как вы, то его в перспективе ждет большое будущее и топовые позиции в рейтинге.

– Правда? – снова хлопнула густыми ресницами девушка.

– Нет, – дружелюбно улыбнулся ей я. – В части рейтинга приврал, каюсь. Но вы на самом деле молодец. На этом месте до вас Алла Фролова сидела, так вот вы ей свободно фору дать можете. Хотя бы тем, что от вас духами пахнет, а не выхлопом от вчерашнего веселья.

Пискнул замок двери, отделяющей служебные помещения от операционного зала, из нее вышла длинноногая девица с достаточно высокомерным выражением на лице и, цокая каблучками, направилась к охраннику, который сидел за стойкой недалеко от того места, где находился я. Кстати, охрана тоже вся новая была, как видно распрощался мой бывший работодатель со старым ЧОПом.

– Алексей, напоминаю вам, что Дмитрий Борисович ждет очень важного клиента, – менторским тоном обратилась она к чуть сонному русоволосому крепышу. – Если придет некто Александр Смолин и обратится к вам с просьбой проводить его к председателю правления, сразу же вызывайте меня.

– Да помню я, – проворчал охранник. – Чего по десять раз одно и то же говорить? Я же не тупой!

– Не знаю, не знаю, – с сомнением глянула на него девица. – Статистика штрафов, насколько мне известно, говорит об обратном.

Мария хихикнула, на ее лице наконец-то отразились хоть какие-то человеческие эмоции. Впрочем, они почти тут же исчезли, их снова сменила профессионально-заученная маска.

Надо же. А меня, оказывается, ждут. Неожиданно и, наверное, приятно. Вот только все, как всегда, в этом банке немного недокручено. Ну с чего бы мне к охране подходить, а? Тем более с просьбой о встрече с Волконским? Мы и в старые времена с ним в друзьях не ходили просто в силу того, что мы находились на разных отрезках должностной вертикали. Он зампред, позже предправ, я обычный специалист среднего звена, не было у нас точек пересечения. Правда, в самом финале моей банковской одиссеи мы стали общаться чуть больше, но и это не показатель.

Впрочем, приказ, скорее всего, исходил не от него, а от другой особы, которой и в голову не может прийти то, что можно просто взять талон и самому подойти к операционистке, как это делают все нормальные люди. Не укладывается это в ее систему мироздания.

– Маш, скажите Наталье Михайловне, что я не ушел и подойду к ней попозже, – попросил я операционистку. – Ладно? И еще, как вон ту милашку зовут?

– Вон ту? – заморгала чаще обычного девушка, как видно не очень у нее монтировалось слово «милашка» с неприступной на первый взгляд офисной девой. – Это Алена. Она личный помощник Дмитрия...

– Детали не столь важны, и так ясно, что он ее референтит, – остановил ее я и обратился к неприступной на вид девушке, как раз проходившей мимо меня: – Алена, добрый день. Я слышал, вы меня ищете?

– Вас? – я был окинут внимательным взглядом с головы до пят. И не просто окинут, а взвешен, измерен, оценен и, увы, похоже, признан негодным. – Полагаю, вы ошибаетесь.

– Не думаю. – Я поднялся со стула. – Вы вон тому бравому парню только что назвали мою фамилию и упомянули о том, что меня ждут в кабинете председателя правления. Ради правды, я к вашему шефу заходить вовсе не собирался, но, похоже, он сам зачем-то хочет со мной повстречаться. Ну а поскольку мы как-никак давние закадыки, придется его уважить.

– Закадыки? – переспросила меня референт, глянув на мою, признаться, изрядно мятую футболку и потертые джинсы. – Вы точно о господине Волконском говорите?

– Ну, это он для вас господин Волконский, – ухмыльнулся я, решив развлечься от души. – А для старых друзей вроде меня он Димыч. А то и Димас. Да, а Ольга уже там?

– Какая Ольга? – уточнила Алена. – Вы кого имеете в виду? Госпожу Ряжскую?

– Ее, родимую, – пояснил я и, уперев руки в поясицу, с хрустом потянулся. – Подругу дней моих суровых, голубку... Кхм... Ну, короче, вы поняли.

Жанна хихикнула, а после мне посоветовала:

– Заканчивай, Саш, ее же вот-вот удар хватит от ломки стереотипов.

– Маша, я отлучусь ненадолго, хорошо? – обратился я к операционистке, которая с интересом слушала мою беседу с референтом. – Но после вернусь и расскажу вам о том, каким бессмысленным и бесполезным являлся мой жизненный путь до сегодняшнего дня и встречи с вами.

– А мне обязательно про это слушать? – впервые за всю беседу в голосе Марии появились не отрететированно-привычные, а настоящие, человеческие интонации. – Может, не надо?

– Да? – озадачился я. – Ну, не знаю. Ладно, решим после. Алена, так мы идем?

– Шульгина, этого господина на самом деле зовут Александр Смолин? – строго спросила у операционистки длинноногая дева.

– Да, – кивнула та, показала ей мой паспорт, причем в закрытом виде, после чего протянула его мне.

– Ален, если желаете, можем никуда и не ходить, – предложил я. – У меня на сегодня дел еще вагон и маленькая тележка, так что выбор за вами. Как, впрочем, и последующая ответственность за него.

– Следуйте за мной, – отчеканила девушка и двинулась к двери, ведущей в святая святых банка, туда, где билось его финансовое сердце.

– Ну, как тут откажешься? – вздохнув, сказал я Марии и двинулся за Аленой. Жанна, у которой, похоже, сегодня было игривое настроение, подхихикивая, составила нам компанию.

А вот в служебных помещениях почти ничего не изменилось. Тот же цвет стен, та же оргтехника, запах кофе, духов и еще чего-то непонятного, витающий по коридорам, и ровно тот же гул голосов в кабинетах. Причем я четко разобрал в нем вечно раздраженный тенорок Романовой, той самой, которая меня чуть не употребила в половом смысле несколько лет назад. Опять она кому-то мозги вправляет. Не удивлен, что она все еще тут находится. Кого-кого, а ее любые треволнения и перестановки сроду не коснутся, потому что кадрово-репрессивные органы в любой компании неприкосновенны при любой смене власти. Не любит руководство неприятные вести до коллектива доносить, боится тем самым себе карму попортить и использует для этого специалистов из отдела по работе с персоналом. А им, как известно, любые лихоманки не страшны. У них на эти вещи врожденный иммунитет.

И ведь что примечательно, не столкнусь я тогда на Гоголевском бульваре со старым ведьмаком, не получи его посмертную силу – и кто знает, как оно бы для

меня все повернулось? Скорее всего, вылетел бы я из этого банка еще пару лет назад вместе с остальными своими коллегами, вот и все. Не факт, что его собственниками стали бы именно Ряжские, разумеется, но от этого ничего не изменилось бы. Тот же покойный Силуянов меня под монастырь мог подвести. Или вон Чиненкова на пару с Романовой расстарались бы. Да и вообще...

Так что мне, выходит, свезло, с какой точки зрения ни гляди. Я нынче при профессии, востребован и, как выяснилось пару минут назад, даже не так уж и беден. Жизнь-то задалась!

А что меня время от времени хотят втемную разыграть или даже убить, так это плата за относительно успешную ведьмачью карьеру. Тем более что подобные вещи не редкость и в обычной жизни. Любого человека кто-то когда-то и как-то пытается использовать. Таков мир.

Мы вошли в до боли мне знакомую приемную, где Алена еще раз с недоверием глянула на меня, прислонившегося к дверному косяку, чуть сморщила носик, но все же постучала в дверь, на которой висела табличка «Председатель Правления Волконский Д. Б.», и прошебетала чудо каким ласковым голоском:

– Дмитрий Борисович, к вам Смолин. Пригласить его?

– Разумеется, – донесся до меня голос моего бывшего руководителя. – Давно ждем его!

– Вас ждут, – церемонно сообщила мне девушка и даже изобразила некий приглашающий жест. – Прошу вас.

– Спасибо, Аленушка! – сообщил я ей, проходя мимо. – Спасибо, милая!

– Сердечно благодарим за доброту и ласку, – поддержала меня Жанна, нимало не беспокоясь о том, что ее референт не слышит. – Наша ты красота!

Следом за этим я услышал удивленное аханье Алены и шелест бумаг. Оказывается, ни с того ни с сего изрядная стопка документов взяла да и свалилась со стола. Мало того, разлетелась по всей приемной.

Жанна работа, больше никому, точно она эти бумаги скovyрнула. Как видно, задел ее не самый радушный прием, что мне Алена оказала. А может, ее пренебрежительное ко мне отношение тому виной. Жанна оставляет за собой право высказывать мне все, что ей взбредет в голову, но, как я заметил в последнее время, терпеть не может, когда кто-то другой себе позволяет подобное. Особенно если речь идет об особах женского пола.

И, признаться, меня это начинает немного беспокоить.

– Саша! – Волконский, ни капли не изменившийся, встал из-за стола и пошел ко мне навстречу с распростертыми объятиями. – Как же давно мы не виделись!

– Два с небольшим года или около того.

– А кажется, что лет десять. – Он приобнял меня, но в рамках правил, без всяких новомодных закидонов. – Слушай, ты совсем не изменился. Разве что в такой одежде я тебя ни разу не видел вроде.

– Это, Дмитрий Борисович, потому что ты с коллективом на выходных никогда на пьянки за город не ездил, даже когда в статусе зампреда пребывал, – пояснил я. – Держался ты от него в стороне, что кадрово верно, а по-людски неправильно. Ба, Ольга Михайловна! И вы тут? Позвольте ручку облобызать.

Ряжская, сидевшая за столом и попивавшая кофеек, одарила меня улыбкой и протянула руку.

– Что-то вы бледны нынче, – сочувственно произнес я. – Дела финансовые совсем замучили, да? Неправильно это. Надо себя беречь. Надо больше отдыхать!

– Да вот, выспаться сегодня толком не удалось, – печально поведала мне она. – Не поверишь, Саша, глаз не сомкнула.

– Что вы говорите! – Я отодвинул кресло от стола и уселся рядом с ней. – Ай-ай-ай! А что так? Бессонница? Хотя... Может, дело в метеозависимости? Погода вон меняется, холода на подходе.

– Да ладно, – вклинился в наш разговор Волконский. – Теплынь на улице.

– Поверь мне, Дмитрий Борисович, это ненадолго, – заверил его я.

– Да нет, Саша, не в погоде дело, – вернулась к теме разговора Ряжская. – Тут скорее причины надо искать в других областях. Метафизических, если угодно.

– Я начинаю себя уважать все больше и больше, – сообщила мне Жанна, устроившаяся прямо на краю стола и свесившая с него свои стройные ножки. – Я теперь нечто метафизическое. Круто. Только ты, Саш, потом объясни мне, что это такое, хорошо?

– Понимание причин всегда ведет к успешному разрешению проблемы, – уже без шутовства сообщил Ольге Михайловне я. – По крайней мере, на то время, пока не появятся новые причины.

– Искренне надеюсь на то, что они не появятся, – положила свою ладонь на мою Ряжская.

– Каждый человек сам кузнец своего счастья, – я глянул на Волконского. – Вон Дмитрий Борисович живой тому пример. Начал с низов, сейчас председатель правления. И все своим трудом, своим умом, терпением.

Между прочим, это чистая правда. Хотя я и тогда этот фанатизм его не понимал. Но тут ведь как? Люди делятся на две категории: одни работают, чтобы жить, другие живут, чтобы работать. Я из первых. Он – из вторых.

– Мы с супругом очень довольны тем, как себя показал за эти годы Дмитрий Борисович, – сообщила мне Ольга Михайловна. – Очень! Умный, деятельный и, что важно, крайне тактичный руководитель, всегда понимающий, что именно от него требуется в тот или иной момент.

– Хорошо, что напомнили. – Только что устроившийся в своем кресле Волконский снова поднялся на ноги. – Мне же в кредитный надо сходить кое-что проверить. Прошу прощения, но я вас оставлю ненадолго.

Положительно, некоторые вещи на самом деле не меняются. И некоторые люди тоже. Всем хорош Волконский, и человек хороший, но поперек желаний руководства он никогда не шел. Ни при каких условиях.

Хотя, может, так и надо поступать?

– Ничего-ничего, – успокоила его Ряжская. – Работа есть работа, мы все понимаем. Ничего страшного, как раз будет нам повод пообщаться. Нам с Сашей столько всего друг другу надо рассказать – получаса не хватит, наверное.

– Ясно, – кивнул Волконский. – Ну, тогда я пошел. Если нужно будет кофе или чая, скажите Алене.

Мне очень хотелось брякнуть что-то вроде «нам бы шампусика, ананасов и упаковку презервативов», но я удержался. Это уже откровенное шутовство, оно тут будет, очевидно, лишним.

Он вышел из кабинета, осторожно притворив дверь.

– А я тебе денежку на счет отправила, – задушевно сообщила мне Ряжская, подвинувшись ко мне поближе. – Аванс за помощь Бэлле.

– Не припоминаю, чтобы я его просил.

– Любая работа должна быть оплачена, – погрозила мне пальцем женщина. – Ну и потом, тебе же надо на что-то жить? Официально ты нигде не работаешь, больших сбережений, как мне кажется, у тебя нет, уж не обижайся за мою прямоту. Наконец, мы же не чужие друг другу люди.

– Так ведь и не родственники.

– Я сторонница той теории, что духовное родство всегда превалирует над кровным. – Ряжская закинула мне руку на шею. – Родственников не выбирают, они достаются нам в базовой комплектации при рождении. А свой круг мы формируем сами. Звучит это банально, может, даже как штамп, но ведь все так и есть на самом деле. И даже если иногда мы создаем друг другу проблемы вроде той, что случилась нынче ночью у меня дома, то это ничего не значит. Поругались, помирились, живем дальше. Верно же, Саша?

Глава пятая

– Ольга Михайловна, вся штука в том, что я не вхожу в ваш круг. Где вы, где я? Давайте будем реалистами.

– Все на этом свете относительно, мой хороший, – с ноткой назидательности в голосе произнесла Ряжская. – Каждый может добиться всего, было бы желание.

– Эти сказки хорошо рассказывать детям младшего и среднего школьного возраста, они доверчивы и морально невинны. Мне – не надо, я знаю, как устроен этот мир. Потому предлагаю лирическую часть беседы считать завершенной и перейти к делу. У меня не так много времени, как хотелось бы.

– Так ее, – одобрила мои слова Жанна. – И клешню свою она пусть с твоей шеи снимет, зараза такая!

В этот момент Ряжская, словно нарочно, меня ладонью второй руки еще и по щеке погладила, заставив мою призрачную спутницу сурово нахмуриться.

– Дела как снег, Саша, – сообщила мне Ольга Михайловна. – Они сыплются сверху, сыплются, и неизвестно, когда закончатся. А жизнь проходит мимо. Разве не так?

Еле слышно скрипнула дверь, и в кабинет заглянула Алена, робко спросив:

– Может быть, чай или кофе? Ой!

Ее можно было понять, она никак не ожидала увидеть то, что собственница банка, обычно строгая и непреклонная, обнимает какого-то мутного человека, который даже делового костюма, похоже, не имел.

– Что «ой»? – спросил я у нее. – Стучаться надо. А если бы мы от предварительных ласк уже к делу перешли?

– Не носи чушь. – Убрала от меня руки Ряжская. – К делу... От тебя дождешься.

Я не выдержал и расхохотался. Секундой позже ко мне присоединилась и сама Ольга Михайловна, поняв комизм ситуации.

– Нет, Алена, нам ничего не надо, – сообщил я девушке, которая, похоже, не знала, как ей реагировать на все увиденное и услышанное. Она сейчас, несомненно, ощущала себя сапером на минном поле: одно лишнее движение, и все, взлетишь на воздух.

– Минут десять никого в кабинет не пускай, – не поворачиваясь распорядилась Ряжская. – А если будешь молоть языком лишнее, то я об этом быстро узнаю. Мысль понятна?

– Предельно, – звонко ответила Алена и скрылась за дверью.

– Ну, любезная моя Ольга Михайловна, теперь-то сплетня точно гарантирована. Она все равно проболтается, на первой же пьянке. Ну невозможно такую информацию девушке-секретареньшу, какой бы она ни была карьероориентированной, за зубами удержать. И еще, вы меня зачем позорите?

– Чем это?

– Десять минут, – сдвинул брови я. – Всего? Вы серьезно? Это унижительно. Нет бы сказать – полчаса. Или лучше час. Это достойно. Это...

– Саш, прошу тебя, заканчивай балаган. – Ряжская закинула ногу на ногу. – Пожалуйста.

– Ладно. – Я повторил ее жест. – Что до денежки – все же спасибо. Неожиданно, но приятно. Да и лишней она не будет, чего скрывать. Но мне все же более интересен другой гонорар, тот, с которым вы меня кинули.

– Некрасиво сказал, – погрозила мне пальцем женщина. – Я объясняла – произошла ошибка. Вернее, накладка. Виновные уже наказаны, будь уверен.

– Ну, последнее чистая правда, – под смех Жанны произнес я. – Вот только воз и ныне там. Кстати, а почему у вас новый начальник безопасности? Прежний рыцарь плаща и шпаги куда девался? Толковый же парень был, насколько я

помню. Хваткий и резкий.

– Люди смертны, как писал классик, – вздохнула Ряжская. – Причем иногда внезапно. Авария, представь себе. Банальная авария на МКАД. Машина всмятку, шансов выжить у находившихся в ней не было совершенно. И Алеша погиб, и Роман Самуилович, наш семейный... э-э-э... казначей. Увы, но так иногда случается.

Ну да, наверное. Вот только когда в аварию попадают люди вроде бывшего начальника охраны Ряжских, никогда нельзя сказать наверняка – случайность это или нет. Очень много такие люди знают, очень много видели, да и рассказать немало разного могут, случись пиковая ситуация. Потому не такой уж и обычной могла оказаться та авария, а, напротив, очень хорошо спланированной. Так сказать, обнулился Ряжский, сменив ближний круг.

Впрочем, это не моя печаль. Хотя Алешу, конечно, жалко, мужик он и в самом деле был неплохо. Правильный.

– Было следствие, даже два, – продолжала тем временем вещать Ольга Михайловна. – И компетентные органы землю носом рыли, и наши сотрудники. Авария как она есть, вина водителя фуры, которая нашу легковушку с дорожным покрытием сровняла, ни малейшего сомнения не вызывает.

– Печально, печально, – вздохнул я. – Уходят лучшие. А новый главный охранник откуда взялся? Если не секрет.

– Его Паша на работу брал, так что мне подробные детали не очень известны. Но рекомендации у него отменные, опыт работы изрядный. Да и показал он себя уже неплохо. Случай с тобой – это его первый прокол за все время. Даже не прокол, а оплошность. Антон просто не очень верно понял мое распоряжение.

А, так товарища зовут Антон. И похоже, он тот еще... Кхм... Безопасник.

– Главное, чтобы он сейчас сделал все так, как нужно.

– Ну сказала же, – то ли притворно, то ли искренне обиделась моя собеседница. – Завтра, крайний срок послезавтра ты получишь все сведения в полном объеме.

Вернее, тот максимум их, который возможен.

– Хорошо, если так, – потянулся я. – Ладно. Теперь излагайте свою просьбу. Не обещаю, что ее выполню, но выслушать – выслушаю.

– Вообще-то, у меня две просьбы и одно предложение, – уточнила Ряжская. – С чего начинать?

– С просьб, – выдержав небольшую паузу, решил я. – Да вы не мнитесь, говорите как есть. Вы же знаете, если мне придет в голову сказать вам «нет», то я именно так и поступлю.

– В чем в чем, а в этом не сомневаюсь. И все же мне очень хотелось бы услышать «да». Это правда очень важно.

– Для кого именно важно?

– На колу мочало, начинай сначала. Знаешь, два года назад с тобой положительно проще было иметь дело. Ты и тогда был колючкой, но все же не такой, как сейчас.

– Хорошо. Пусть будет просто «важно» – и все, – кивнул я. – Итак? Кого надо спасти от неминуемой смерти? Какого хорошего человека?

– Зря иронизируешь, – укоризненно заметила Ряжская. – Речь в самом деле идет об очень и очень достойном человеке. Он давний деловой партнер Павла, и я сама хорошо его знаю. И да, он болен. Почки. Две пересадки, увы, результатов не дали, прогноз врачей крайне неутешительный. Помогите этому человеку, Саша, и, поверь, в его лице ты обретешь очень, очень влиятельного друга. Мы можем многое, но его возможности с нашими несравнимы.

– Мне стоит спрашивать, что именно вы обретете в том случае, если я соглашусь, или лучше мы оставим этот момент за скобками?

– Лучше оставим, – крайне серьезно произнесла женщина. – Зачем тебе лишняя информация? И потом, твоя собственная награда будет более чем весома, тем более что она сложится из двух частей: той, что тебе вручит счастливый и

здоровый пациент, и той, которая достанется от нас.

Ну, что я получу от вас, мне уже известно. Например, пулю в затылок. Или нож в спину. Или на МКАД в машину со мной врежется фура с уснувшим водителем. Вариантов масса. Так сказать, в ассортименте.

А самое забавное, что почки, в отличие от хвори Бэллы, это не самый сложный вариант для лечения. Нет, если все совсем запущено и человек уже стоит на пороге небытия, то, скорее всего, смогу лишь купировать боли, как в случае с Бэллой. Но если хотя бы одна из почек еще работает, то варианты имеются. Есть зелья, есть настойки, есть даже интересный ритуал, которым со мной поделилась славная знахарка из Вены, с которой я познакомился года два назад на традиционном июльском базаре. Ну а если это не сработает, то можно пойти на экстренные меры и призвать одну из Лихоманок, а именно Пухею. Она, как и остальные ее сестрицы, дама на редкость вредная и сквалыжная, если в какого бедолагу вцепится, так ввек не отпустит, пока тот дух не испустит, но с ней, представьте себе, можно договориться. Это непросто, но возможно. С Невеей или Трясуницей такой номер ни за какие коврижки не пройдет, а вот с Пухеей, которая как раз отвечает за почки и еще пару органов, расположенных в человеческом организме, такое проверить реально. Особенно если призвать себе в качестве дополнительной поддержки Мару, имеющую на двенадцать сестриц-хворобиц большое влияние. Они ее здорово боятся, это факт. Отчего так – не знаю, но про это написал в ведьмачьей книге один из моих предшественников, причем основываясь на личном опыте. Между прочим, сии записки перемежаются с очень трогательной историей. Сдается мне, что у этого самого предшественника, которого Никитой звали, книга выступала не только в качестве свода знаний, но и как личный психотерапевт. Он, похоже, был натурой тонкой душевной организации, не то что я. Хотя, что любопытно, общего между нами оказалось неожиданно много. Никита ведьмаком случайно стал, не сразу этот факт умом принял, потому пытался какое-то время жить как раньше, но только у него, как и у меня, тоже не вышло из этого ничего путного. Скажу больше: ему было еще хуже, поскольку на дворе стояла вторая половина противоречивого пятнадцатого века, христианские священники аккуратно добивали по лесам последних волхвов и бодро жгли в банях ведуний, которые как раз в те годы получили новое имя, раз и навсегда став ведьмами. Уходила Старая Русь, неохотно, болезненно, но уходила навсегда. Хорошо это, плохо – не мне судить, я тогда не жил, потому воздержусь от комментариев, чего и остальным могу пожелать. Мы ведь не знаем доподлинно, как оно было на самом деле, потому изначально необъективны.

Но не суть. Так вот, не получилось у Никиты жить по-старому, как прежде, что вполне объяснимо, а через какое-то время его невеста смекнула, что он стал другим, не от мира сего, и от чистого сердца заложила суженого местному священнику. Тот же, особо не мудрствуя, в компании с несколькими молодцами из посадских парня чуть не сжег, действуя в рамках четко обозначенной государственной программы, взявшей курс на тотальное укрепление православной веры. Тем более что в Москве как раз недопонимание с латинянами вышло, связанное с приездом в стольный град красавицы Зои из славной фамилии Палеологов, ставшей сначала невестой, а после и супругой государя Ивана Третьего Васильевича и вошедшей в нашу историю под именем София, потому на местах, понятное дело, региональные власти сразу же начали проявлять здоровую инициативу.

Чудом Никита успел унести ноги, при этом окончательно поняв, что все, старая жизнь совсем кончилась. Но, что примечательно, мстить изменщице-невесте не стал. Напротив – он ее понял, простил и напоследок с риском для собственной жизни даже вылечил, поскольку та то ли от волнений, то ли еще почему крепко захворала, как раз по части почек. Вот тогда-то Никита к помощи Пухеи и прибег. Штука в том, что эта Лихоманка может как угробить больного, полностью заблокировав жизнедеятельность почек, так может и подлечить их, по крайней мере на какое-то время точно. Ну а если приплюсовать сюда еще кое-какие зелья из ведьмачьего арсенала, которых и у Никиты, и у меня, и у любого из предшественников, кроме разве что шалого Митрия, который только по бабам силен был бегать, хватает, то больной сможет совсем скоро ощутить значительное улучшение самочувствия.

Другой вопрос, насколько мне оно нужно? И нужно ли вообще? Что я смогу выиграть в этой ситуации? Деньги? Я давно понял, что они не так всесильны, как мне когда-то казалось. Просто, когда приходит настоящая беда, они ни разу тебя не спасут, как бы это банально ни звучало. Предать – могут. Спасти – почти никогда нет. Да вот, у приятеля Ряжских их, скорее всего, куры не клюют. И чего? Сильно они его выручили? По ходу, нет.

Что там еще? Связи? Они мне тоже ни к чему. В том мире, где я живу, связи почти ничего не значат, по крайней мере те, которые имеют в виду Ряжские и иже с ними. Благодарность сильных мира сего? Ну, на этот счет я, как было сказано выше, тоже особо не обольщаюсь, и то, что мне подслушала и подглядела недавно Жанна в доме Ряжских, прекрасно иллюстрирует правильность данной точки зрения.

А я со всей этой суетой, между прочим, в долг перед Пухеей влезу, который она раньше или позже непременно с меня требовать захочет. И еще неизвестно, что именно Лихоманка в откуп запросит. Возьмет, к примеру, и размен в пропорции три к одному потребует. То есть я за одного этого красавца ей трех других бедолаг должен буду подогнать на съедение. А оно мне зачем? И потом, что, жизни трех обычных людей стоят дешевле, чем бытие друга или даже благодетеля семейства Ряжских?

Как по мне – нет. Мы все равны при рождении и на пороге смерти. Бедные, богатые, сильные, слабые – любые. Мы все радостно кричим, выбравшись из материнского чрева, и мы все по прошествии какого-то времени одинаково не желаем покидать этот странный, непонятный, непредсказуемый, но все же прекрасный мир.

Кстати, одна из последних записей Никиты, имеющаяся в книге, на этот счет и была. Помотало его после ухода из родных мест по свету неслабо, в результате он аж до далеких песков Аравии добрался, где постигал разные науки, в том числе иностранные языки, астрономию и лекарские премудрости. Умный был мужик, прямо скажем. Я бы с ним с удовольствием пообщался, выдался такая возможность. А как и где он сгинул – не знаю. Никто ничего про это не написал. Но с учетом стремления к подвижничеству, думаю, ничего хорошего его не ждало. Последние записи относятся уже к XVI веку, а там тебе и татары, которые то и дело на Русь таскались, и усиление вертикали государственной власти с последующим закручиванием гаек в части свобод простого люда, и еще неведь что.

– Саш, ты здесь? – помахала ладошкой перед моими глазами Ряжская. – Ты со мной?

– Формально – да, – ответил я. – По жизни – нет.

– То есть? – опешила женщина. – Ты сейчас о чем?

– Я ни с кем. Я сам по себе. Всегда сам по себе. Запомните эту простую истину и никогда ее не забывайте. Даже когда мы станем любовниками, все равно я не буду с вами, Ольга Михайловна. Это аксиома.

– Иногда поражаюсь, насколько ты самонадеян! – непритворно возмутилась женщина.

– Не люблю говорить очевидные вещи, но это нужно не мне, а вам. – Я встал и цапнул со стола стоявшую там бутылку воды. – Тьфу, теплая.

– Знаешь ли...

– Знаю. – Я свернул пробку и одним махом выпил половину содержимого. – Все я знаю. А если о чем и не в курсе, так только до поры до времени.

Жанна глянула на меня, а после скорчила противную рожицу, перед тем поднеся два пальца ко рту.

– Ладно, оставим пока в стороне вопросы нашей с тобой совместной будущности, – глубоко вздохнув, произнесла Ряжская. – Что с моей просьбой?

– Поживем – увидим. – Я вытер со лба выступивший на нем пот. – «Нет» не скажу, согласия тоже пока не дам.

– Увидим – возможно. Поживем – не факт. Вернее, поживет. Там все скверно, Саша. Не так, как у Бэлочки, но очень, очень скверно.

– А где сейчас этот господин обретается? У Вагнеров, поди, как обычно?

– Нет, – всплеснула руками Ряжская. – Работает. Большею частью из дома, но работает. Такие люди, как Илья Николаевич, до последнего вздоха расходуют жизнь на дело, которому служат.

Даже интересно стало, что это за дело такое. Поехать, что ли, глянуть? Опять же, появилась у меня в голове одна забавная идейка о том, как попробовать и бублик съесть, и на елку влезть. Вернее, краеугольная основа идеи, которую еще нужно до ума довести.

– Молодец Илья Николаевич. – Я допил воду из бутылки. – Честь ему и хвала. Но все равно у меня на него в ближайшие дни времени нет. Так уж получилось. Не поверите – все расписано по минутам.

– Я – поверю, – усмехнулась Ряжская. – Это история последних двадцати пяти лет моей жизни. Но поверь, ты поступаешь неразумно.

– Потому что вы уже пообещали, что дело в шляпе и чудо-лекарь примчится по первому свистку ему на помощь? Это ваши проблемы, дражайшая Ольга Михайловна, а не мои. И репутация на кону тоже не моя.

– Не только репутация.

– Возможно. Но мне что с того? Сами обещали – сами выкручивайтесь. А мне никому ничего доказывать не надо. Кстати, это охрененное ощущение, радость от которого не пропадает совершенно. Так что, если выдастся свободная минутка, съезжу с вами. Нет значит нет.

– Слушай, твой список еще не готов, поэтому...

– Поэтому поспешите. Чем больше у меня будет поводов ощущать к вам признательность, тем выше шансы на наше возможное сотрудничество. Это вашим подчиненным плохо, у них выбора нет. А я в их число не вхожу.

– Кстати! – подняла вверх указательный палец Ряжская. – О признательности и сотрудничестве. Саш, вот какое у меня есть предложение: а не завести ли тебе свой офис?

– Прямо удивили, – признался я. – Как-то не думал. Да и на кой он мне? Частная практика в моих планах не значится, ИП я тоже открывать не собираюсь, поскольку лениво бухгалтерию вести и тому подобной возней заниматься, вот и выходит, что нужды в нем ноль.

– Это сейчас, – резонно заметила Ряжская. – А потом? Кто знает? Опять же, вот понадобилось нам с тобой встретиться, так что, опять сюда, в банк, обоим ехать?

– Чем плохо? – я обвел взглядом кабинет. – Кондей есть, водичка на столе стоит, Алена за дверью уши греет. Мне нравится! И потом, вот эта штука, Ольга Михайловна, называется смартфон, при ее посредстве...

– Саш, заканчивай дурака валять! – рассердилась Ряжская. – Ну сколько можно?

– Перебор?

– Если честно – да. Меру знать надо. Как клоун прямо!

– Принимается, – кивнул я. – И правда занесло. Если вам станет приятно, то мне стыдно.

– Относительно офиса – никто не говорит о том, что тебе надо будет где-то на окраине Москвы что-то там арендовать, вносить плату и так далее. У нас в Москва-Сити в одной из башен, конкретно в «Меркурии», есть два этажа.

– Красиво живете.

– Можем себе позволить, – веско ответила Ряжская. – Один из кабинетов можешь взять себе, какой именно и на каком из этажей – сам выберешь. Поверь, это снимет часть твоих проблем. В будущем, к примеру, захочешь ИП открыть – пожалуйста, наши юристы и бухгалтеры к твоим услугам. Плюс охрана, разъездные машины и так далее, и тому подобное.

– Звучит красиво, – признался я. – Многообещающе. Но с ответом все же повременю, хорошо?

– Думай столько, сколько заблагорассудится, – отмахнулась моя собеседница. – Колхоз – дело добровольное, это надо не нам, а тебе.

Ну да, конечно. Нет, милая, это нужно как раз тебе. Там мимо твоих ушей ни один мой разговор не пройдет, ни одна встреча, ведь кругом глаза и уши на жалованье, включая разъездные машины. И прищучить меня там тоже куда проще.

– Вроде еще одна просьба имелась? – уточнил я. – Небольшая. Готов выслушать.

– Саш, я правда сегодня ночью не выспалась, – жалобно протянула Ольга Михайловна. – Еще одну такую просто не перенесу.

– Так ведь вроде этот момент мы уже обсудили? Спите спокойно, родная женщина моя, и пусть вам снятся только хорошие сны. Ну что, это все?

– Саш, может...

– Нет, – резко оборвал я ее вопрос. – Нет. У меня на сегодня запланированы очень важные встречи, причем пока непонятно, сколько времени они займут. И давайте не возвращаться больше к этой теме, хорошо? Мы славно побеседовали, не стоит под конец разговора портить пусть даже и иллюзорное, но все же взаимопонимание.

– Хорошо. – Ряжская глянула на часы. – Тогда разбегаемся в разные стороны. Не ты один сильно занятой человек, знаешь ли.

– Так тому и быть. – Я поднялся с кресла. – Тем более что меня наверняка ждут в операционном зале.

Так оно и оказалось. Писк замка еще не стих, а Федотова повисла у меня на шее, при этом перепугав бабушку-клиентку, как раз садившуюся напротив Марии, и вызвав гримаску недовольства у Алены, которая решила нас проводить до выхода.

– Смолин! – облобызала меня в обе щеки Федотова. – Как же хорошо, что ты, оказывается, не помер!

– Однако! – усмехнулась Ольга Михайловна. – А твои приятельницы, Саша, девушки на позитиве. Душа радуется!

– Они такие, – подтвердил я, ощутив, как в кармане джинсов задергался смартфон. – Наташка, да расцепи ты руки, зараза такая! Мне звонит кто-то, ответить надо.

Это оказался Николай.

– Саш, привет! – бодро проорал он мне прямо в ухо. – Ну чего, я свободен, можем прокатиться по нашему делу. Ты сейчас где?

– На Сивцевом, – ответил я. – В банке.

– А, прогулка по местам боевой молодости? Святое дело. Но это хорошо, я как раз неподалеку. Давай я тебя минут через сорок у «Художественного» подхвачу. Нормально?

– Вполне. – Я глянул на Федотову, которая смотрела на меня так же, как ребенок на новогоднюю елку тридцать первого декабря, то есть с предвкушением и надеждой. – Договорились.

– Саш, подвезти? – осведомилась у меня Ряжская. – Нет? Ну, как знаешь. Все, на связи. И, Алена, непременно напомните Дмитрию Борисовичу, что в районе пяти часов я к нему наведу с одним потенциальным клиентом. Очень важным для банка клиентом!

– Обязательно, – прошептала референтка.

Через минуту она, проводив гостью, прошла мимо нас, не забыв попутно добавить:

– Попрошу соблюдать порядок в операционном зале. Это банк!

– А то мы не знали, – негромко сообщила в спину ей Юрченкова. – Королева недоделанная! Работает без году неделя, а гонору-то, гонору!

– Да и хрен с ней! – отмахнулась Федотова. – Сашк, ты где? Как? А про Ленку тебе рассказали? Я ее сыночка видела, он такая лапа!

Казалось бы – много ли можно рассказать за те двадцать минут, что у меня были? Представьте себе – много! Невероятно много! У меня аж в ушах зазвенело от переизбытка информации. Видать, долго моя бывшая коллега в себе ее копила, вот и выплеснула сразу все запасы.

Погода на улице тем временем начала портиться. Вроде в банке-то пробыл всего ничего, а на солнышко уже какая-то дымка напозла и теплый до того ветерок ощутимо похолодел.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/vasil-ev_andrey/zlye-igry

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)